

ОСТРОВСКИЙ

В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Выдержки из писем и дневников П. В. АННЕНКОВА, М. П. и П. С. ВИБИКОВЫХ, Н. БОРОДИНА, И. А. БУЛДИНА, Ф. А. БУРДИНА, В. А. ВЕЛИКАНОВА, В. М. ГОЛИЦЫНА, Ф. П. ГОРЕВА, Д. В. ГРИГОРОВИЧА, Я. К. ГРОТА, Н. П. ГУБОНИНА, В. ДОРОШЕНКО, И. Э. ДРИАНСКОГО, Э. ДЮРАНА-ГРЕВИЛЯ, Н. Н. ЕНГАЛЫЧЕВА, А. Ф. ЖИРАРДО, Н. П. КИРЕЕВА, А. М. КОНДРАТЬЕВА, Н. Н. ЛЕВЕДЕВОЙ, А. А. МАЙКОВА, Л. МАЛЬФИЯ, Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО, В. П. МУЗИЛЬ, В. Я. МУРАВЬЕВА, П. М. НЕВЕЖИНА, А. А. НИЛЬСКОГО, Б. И. ОРДЫНСКОГО, М. Н. ОСТРОВСКОГО, А. Н. ПЛЕЩЕЕВА, Н. А. и Р. А. ПОТЕХИНЫХ, И. М. РАНЖЕЕВА, В. И. РОДИСЛАВСКОГО, СТ. РОШЕ, М. П. САДОВСКОГО, Н. Я. СОЛОВЬЕВА, Н. А. СОЛОВЬЕВА-НЕСМЕЛОВА, Ф. В. СТАРИКОВА, Н. И. СТОРОЖЕНКО, Н. В. СУВОРОВА, В. Д. СУШКОВА, Н. С. ТИХОНРАВОВА, С. И. ТУРБИНА, А. И. УРУСОВА, А. Ф. ФЕДОТОВА, Н. М. ФЕДЮКИНА, Н. ФЛОРИНА, С. А. ЧЕРНЕВСКОГО, В. В. ЧУЙКО, С. П. ШЕВЫРЕВА, А. И. ЭРТЕЛЯ, С. В. ЯБЛОЧКИНОЙ

(1853—1886)

Публикация и комментарии Л. Р. Ланского

Островский еще при жизни пользовался широкой известностью. Его пьесы никогда не сходили с афиш столичных и провинциальных театров, печатались в лучших и самых распространенных журналах, рецензировались во всех периодических изданиях, когда-либо публиковавших рецензии на своих страницах. Вокруг его творческой деятельности нередко разгоралась ожесточенная и идейно-политическая борьба и борьба страстей. Как у всех крупных художников-обличителей, у него были бесчисленные поклонники-энтузиасты и ожесточенные, неутомимые враги. Все это не могло не отразиться и, действительно, отразилось в переписке людей 1850-х—1880-х годов — как его личных знакомых, так и тех, кто знал его только как автора — читал его пьесы, присутствовал на их постановках или воплощал на сцене персонажей, созданных его творческим гением.

Предлагаемые вниманию читателей и исследователей выдержки из писем, выявленных мною в архивах Москвы и Ленинграда, вносят ряд неизвестных подробностей в биографию писателя, до сих пор еще недостаточно разработанную и изученную. Они в разных ракурсах воссоздают обстановку, в которой жил и трудился Островский, характеризуют отношение к нему его окружения и официальных лиц, а также восприятие его творчества различными представителями современного ему общества.

П. В. АННЕНКОВ — Т. Н. ГРАНОВСКОМУ

⟨С.-Петербург. Между 22 и 28 февраля 1853 г.⟩

...Мы сошли с ума на «Профете»¹ и с большой умеренностью и сосредоточенностью любимся комедией Островского². Даже «Пропет» не сшиб и не стер ее с лица земли. Кажется, дело простое — у купца и мелочного торговца нашлось человеческое чувство. И прежде полагали, что это может случиться, но думали, что оно должно сделать мелочного торговца коммерции советником, а последнего — по крайней мере бароном Родем. Все очень довольны, что никакого повышения ни в чине, ни в звании не произошло. Это очень умненько со стороны Островского, но так как он всегда восстанавливает равновесие собственнй глупостью, то, вероятно, теперь считает, что купцы его есть идеалы, к которым должны стремиться все народы мира сего. Сообщу вам о странности: старый купец у нас плох³, молодой⁴ — посредственен, пьяный⁵ (Мартынов) — дурачен совсем, но молодая купчиха, героиня комедии — прекрасна. А исполняет эту роль г-жа Читау⁶. Многие думают, что это сестра г-жи Виардо, обучавшаяся у И. С. Тургенева. Подите разберите теперь элементы русской национальности⁷...

Автограф. ГИМ, ф. 345, ед. хр. 2.

¹ «Il Profeto» («Пророк») — опера Дж. Мейербера, незадолго до того поставленная в Петербурге.

² «Не в свои сани не садись». Премьера в Александринском театре состоялась 19 февраля 1853 г. Раздраженный тон Анненкова, одного из самых последовательных «западников», объясняется славянофильскими тенденциями нового произведения Островского. Комедия же «Банкрот» («Свои люди — сочтемся!») нашла в нем искреннего почитателя, и впоследствии он содействовал ее появлению на сцене.

³ Русакова исполнял Григорьев 2-й.

⁴ Бородин — Ф. А. Бурдин.

⁵ Маломальский.

⁶ Авдотью Максимовну исполняла А. М. Читау.

⁷ Привожу текст начала письма:

«Ах, дорогой Тимофей Николаевич! Как же не хотеть письма Пушкина к брату Льву? Может быть, ни в одном не выразился так полно весь он да ни в одном не выражена так хорошо характеристика всей эпохи 20—25 годов, как там. Содержание его мне известно, потому что оригинал его находится у жены Пушкина — Ланской, но она делает из него тайну, прочитает некоторые места, которые ей кажутся слабейшими, а цельного документа не сообщает. Приобретение его было бы чрезвычайно важно. Замечательно, что Пушкин приказывал жене передать это письмо старшему своему сыну, когда ему исполнится 18 лет, — видно, он сам считал его образцом житейской мудрости, светским кораном. Письмо, однако ж, не передано по указанию супруга и до сих пор, хотя молодому человеку теперь уже и за двадцать. Видно, молодежь нынче формируется позднее, чем во времена поэта, и мать опасается, чтобы советы отца не были опасной новостью для сына. Это несколько странно, особенно если принять в соображение, что кутежи, содержание танцовщиц и другое времяпрепровождение столько же должны способствовать возмужалости, сколько и игра настоящих страстей, о которой говорится в письме. Все это вместе делает письмо до крайности занимательным, и внезапная возможность получения его, открытая вами, просто есть счастье. Потрудитесь же, батюшка, даже для себя — приятно знать, как понимал достоинство, нравственность и человеческие обязанности Пушкин в 1822 году. Буслаева заметки жду с живым нетерпением». Письмо Пушкина к брату от сентября—октября 1822 г. дошло до нас только в неполной копии Л. С. Пушкина. Поэтому сообщаемые Анненковым подробности о характере полного текста письма поистине драгоценны.

М. П. БИБИКОВ — Н. А. РАМАЗАНОВУ

(Январь 1854 г.)

...А Островский твой — молодец: «Не в свои сани не садись!» — замечательная вещь. Одно только скажу тебе — это скорее драма, нежели комедия, и скорее просто сцена из купеческого быта, нежели драма. По моему, канва не довольно серьезно выткана, зато разговор — верх правды, и характеры выдержаны на славу. С первых слов Вихорева видно, что он мошенник. Так и предчувствуешь беду для бедной девушки. А характер Русакова — характер доблестного боярина (каких уж теперь нет). Эта пьеса, какжется, — особенно с ее обстановкой, — должна быть прелесть!...

Автограф. ГИМ, ф. 457, ед. хр. 7.

Матвей Павлович Биби́ков (1812—1856) — литератор, сотрудник «Москвитянина» и «Отечественных записок».

¹ «Что новая комедия Островского? Как была принята в Петербурге и нашлись ли там для нее искусные актеры и люди с душой в партуре? Напиши, пожалуйста», — осведомлялся у Рамазанова Биби́ков в письме от 16 марта.

М. П. БИБИКОВ — Н. А. РАМАЗАНОВУ

21 ноября (1854 г.)

...Очень жалею, мой милый Nicolo, о неудаче Островского¹. Ничего не может быть опаснее для молодого таланта как первый огромный успех на художественном поприще, — художник, оглушенный рукоплесканиями, под сладкий говор удовлетворенного самолюбия, засыпает на лаврах, как, например, Щербина, — или, что еще хуже, забыв золотое правило

Буало: «Surtout sachez brider votre imagination»^{*}; также ошеломленный рукоплесканиями, улетает в эмпирей, как О(стровский). Но кто не был молод? Пройдет эта эпоха бессознательной уверенности в самого себя, угмонится кровь, ум станет светлее, сердце будет биться ровнее, ухо притупится для криков райка, глаз — для улыбок милых слушательниц — и талант человека дойдет до той последней степени совершенства, которую назначил ему бог. Все это я выразил тебе немного сбивчиво и жеманно — но мысль, кажется, верна²...

Автограф. ГИМ, ф. 45, ед. хр. 7.

¹ Вероятно, отклик на неизвестное письмо Рамазанова по поводу новой драмы «Не так живи, как хочется», с которой Островский в это время знакомил своих друзей.

² По-видимому, пьесой «В чужом пиру похмелье» вызваны следующие строки из письма Бибикова к Рамазанову, датированного 14 декабря (1855 г.): «А жаль Островского: в нем тьма таланта, неподдельного чувства, и быт русский знает...» (там же).

Д. В. ГРИГОРОВИЧ — И. И. ПАНАЕВУ

(С.-Петербург. Весна 1855 г.)

... Читали ли вы статью «Москвитянина» о 2-й части «Рыбаков»?¹ Прочитайте — и вы будете иметь лишний факт недобросовестности наших *soit-disant* ** критиков и судий. Естественно, что все это писано под влиянием Островского, этого страшного авторитета шайки «Москвитянина» — а Островский находится, в свою очередь, под влиянием (П. М.) Садовского, которому, как сказывают злые языки, обязан он всеми своими комедиями. И, поверьте, я дошел уже до того счастливого периода, когда подобные отзывы о моих трудах возмущают меня только на минуту. Ни Григорьев, ни Алмазов, ни Островский не ослабят моего рвения к труду и совершенствованию. Ничего не стоило бы быть осыпанным похвалами «Москвитянина», стоит только сдружиться и восторгаться Эдельсоном и Филипповым, падать ниц перед Островским. Они злобствуют на меня за то, что в последние две-три поездки мои в Москву я не заглядывал к ним. Но скажите, с чего же пойду я делать такие *авансы*? И отчего бы, например, не явиться им самим ко мне? Я до сих пор еще сохраняю некоторую литературную гордость (не смешивайте это с самолюбием); я считаю несовместным с достоинством литератора — поклоняться своему же брату молодому и еще не заслуженному литератору; московская компания сердита на меня за то же самое, за что рассердился прошлый раз (В. П.) Боткин, когда звал меня обедать к Солдатенкову и когда я сказал ему напрямик, что не пойду; что если Солдатенков хочет чести моего посещения, то сам может придти пригласить меня. Не напиши я ни одной повести, я пошел бы к кому угодно. Право, я поступил недурно; что за мерзкая компания эта литературная братия, у нас, по крайней мере, еще в России: судьба вашей статьи зависит от того, что не пойдешь отдать визита какому-нибудь Эдельсону, — как будто Эдельсон — какой-нибудь Бен-Джонсон, праго!..

Автограф. ГПБ, ф. 560, ед. хр. 5.

¹ Рецензия А. А. Григорьева «Библиотека для чтения. Январь и февраль» в «Москвитянине», 1855, № 4. Самолюбивого писателя особенно возмутили следующие строки: «В г. Григоровиче, авторе повестей и романов из народного быта, мы видим не хозяина в описываемом им быту (<...>), а заезжего гостя-путешественника (<...>), в языке его видим мозаичную складку, а не свободную речь народа, в типах — по большей части — фальшь или напряженность» и т. д. (стр. 107—108).

* «Главное — умеете обуздывать свое воображение» (франц.).

** так называемых (франц.).

П. М. САДОВСКИЙ В РОЛИ
МИЛОВИДОВА («НА БОЙКОМ
МЕСТЕ»)

Малый театр, 1897—1898 гг.

Фотография

Центральный театральный музей,
Москва



В. Я. МУРАВЬЕВ — М. П. ПОГОДИНУ

Москва. 31 августа 1855 г.

Опасаясь, чтобы при словесном объяснении с вами не отнять у вас много драгоценного времени и надеясь письменно яснее и полнее высказать вам причины, побудившие меня явиться к вам, я осмеливаюсь писать к вам и вас просить снисходительно прочесть мое письмо. Я сын протоирея костромского женского монастыря Иакова Муравьева, студент Василий Муравьев. В прошедшем году я кончил курс студентом в Костромской духовной семинарии и поступил в Московскую духовную академию. Но здесь я увидел, что мне не назначено быть пастырем церкви и проповедником, как я думал, но определена другая дорога.

Поэтому я по собственному прошению исключился из Академии и прибыл в Москву с чистым и твердым намерением посвятить всю жизнь свою искусству — идти тою дорогою, к которой всегда имел естественное и непреодолимое стремление. Именно, я чувствую себя способным писать для театра комедии и преимущественно драмы, из которых некоторые уже у меня и обдуманы несколько. Имею ли я такой талант, в том сам я убежден непоколебимо и при времени и труде надеюсь убедить и других — потому что вся моя жизнь была почти непрерывною мечтою и размышлением; что я менее всего представлял себя в своем положении, но большею частию в положении других; что я имею пламенную любовь к искусству, соревнование к прославившимся поэтам и те черты, которые Дизраэли приписывает литературному характеру в своем сочинении, — сочинении, которое между другими обстоятельствами моей жизни еще более убедило

меня в моем назначении и побудило прибыть в Москву. Но я еще не знаю сцены. Я никогда не посещал театров, готовя себя к другому званию, и до изучения сцены буду писать повести, в которых постараюсь вывести русские характеры, еще неизвестные публике, писать картины Волги и ее окрестностей, при которой я родился и жил, и по возможности решать известные задачи; кроме того, буду упражняться в мелких лирических стихотворениях, которые писал с самых ранних лет (...) Высказав вам откровенно мои планы, я осмелился принести вам первый опыт мой в комедии. Он не может быть хорош, потому что в нем нет тех поэтических характеров, к изображению которых я более способен, и писан мною не от души, в короткое время и без знания сцены; но, кажется, в нем есть характеры, несколько верно изображенные, например мелкопоместного необразованного владетеля и слуг.

Так сказал мне об этом опыте и Александр Николаевич г. Островский, которому я известен. Я не смел бы вам представить мою комедию, тем более иметь желание ее печатать, но, имея нужду в деньгах — в 50 рублях серебром, которые мне необходимы на удовлетворение моих крайних нужд и без которых невозможно мое поступление в Университет и даже пребывание в Москве, — осмеливаюсь вам представить ее и просить вас, не благоволите ли вы принять ее в «Москвитянин» и снабдить меня означенною или даже меньшею суммою?¹...

Автограф. ГБЛ, ф. 231.II.21.62.

¹ Произведения Муравьева в «Москвитянине» не появлялись.

М. П. БИБИКОВ — Н. А. РАМАЗАНОВУ

11 мая 1856 г.

...А знаешь ли, что против Краевского составилсЯ заговор? Григорович, Толстой, Майков, Тургенев с братиею заключили с «Современником» контракт: в продолжение целых четырех лет помещать свои статьи *только* в «Современнике», за что этот и платит им по 150 серебром за лист. По этому-то случаю Краевский и начал со мной заигрывать: велел мне сказать, что будет печатать в «Отечественных записках» *все*, что я ему ни пришлю (...) А любопытно знать — кого Краевский наберет в сотрудники. Кажется, и наш Островский также в лиге, и мне теперь выясняется его шушуканье с Майковым у тебя на вечере¹...

Автограф. ГИМ, ф. 45, ед. хр. 7.

¹ Об «обязательном соглашении» Островского, Тургенева, Толстого и Григоровича с редакцией «Современника» см. в «Лит. наследстве», т. 53-54, стр. 289—298. Имя А. Н. Майкова здесь указано ошибочно: к обязательному участию в «Современнике» его не привлекали.

С. П. ШЕВЫРЕВ — А. Н. ВЕРСТОВСКОМУ

⟨Москва⟩ 25 ноября ⟨1859 г.⟩

...Михаилу Петровичу ⟨Погодину⟩ передам немедленно ваше историческое замечание. — Фальстаф, превращенный в Любима Торцова, очень нас всех насмешил.

А Островский записал русскую комедию в купеческую гильдию, начал с первой, довел ее до третьей — и теперь она, обанкротившись, со слезами выписывается в мещанки. Вот результат «Грозы», которую я видел на прошлой неделе¹, сидя возле вашего любезного доктора. Мне кажется, Косицкой² следовало удавиться, а не утопиться. Последнее слишком старо — и напоминает Бориса Федорова. Удавиться было бы современнее.

П. М. САДОВСКИЙ В РОЛИ
МЕЛУЗОВА («ТАЛАНТЫ И
ПОКЛОННИКИ»)

Малый театр, 1912 г.

Фотография

Центральный театральный музей,
Москва



А как же вы это в афишке пропустили Грозу? Ведь она тоже действующее лицо — и кто ее играет? Да вот еще, у нас был вчера с Михаилом Петровичем спор: я называл часовщика Кулибиным³, главным механиком, а он, следуя афишке, называл его Кулигиным. Где же истина? — Решите...

Автограф. ГЦТМ, ф. 53, ед. хр. 1.

¹ Премьера «Грозы» в Малом театре состоялась 16 ноября 1859 г. и прошла с огромным успехом.

Степан Петрович Шевырев вначале относился к творчеству Островского с искренним увлечением и горячо пропагандировал «Свои люди — сочтемся!». Письмо проникнуто недоброжелательностью к пьесе, глубоко чуждой и антипатичной Шевыреву и по теме, и по тенденциям. Натянутые остроты плохо маскируют растерянность старого критика.

² Любовь Павловна Косицкая-Никиulina.

³ Иван Петрович Кулибин (1735—1818) — выдающийся русский механик и изобретатель.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ — С. Д. ЯНОВСКОМУ

⟨Москва. Конец января 1860 г.⟩

...Посылаю вам обещанный «Московский вестник» за 1859 год и экземпляр моих повестей, который прошу вас передать Александре Ивановне. Еще не откажитесь исполнить мою покорнейшую просьбу. Пошлите, сколько возможно скорее, приложенную здесь записочку и книги, запечатанные в бумагу, в магазин Смирдина, на Невском близ Адмиралтейства.

А другой экземпляр моих повестей вручите при случае М. М. Достоевскому.

Здесь на днях было также чтение в пользу фонда; Тургенев и Майков увенчаны лаврами. Оба произвели фурор. Денег собрали 1200 р. Большая часть публики состояла из барынь. Островский читал сцену из «Своих людей», которые тоже понравились, но он немножко сконфузился¹.

Более ничего нового сообщить вам не имею. Все обстоит благополучно. На театрах свирепствуют «Приемыш» и «Сатанилла»². О первом я сказал несколько слов во втором номере «Московского вестника» и подвергся гневу здешней бельэтажной публики³. Говорят, что благонамеренная дирекция запретила Колосовой играть драматически роли как актрисе водевильной, потому что она в них слишком хороша, подрывает Медведеву и Литвину — двух бездарных девок, состоящих у кого-то на содержании. Вот поощрение таланта! Бенефиса Щепкина я не застал — говорят, что был очень плох по выбору пьес⁴. Чернышев еще раз опозорился в роли Отелло; Дездемоной была Косицкая — и публика боялась, чтобы она не задушила Отеллу — которого она гораздо сильнее. — Но все обошлось благополучно: ее задушили...⁵

Для Тургенева и Майкова нарочно дали «Грозу». Тургенев в восторге от Васильева и в омерзении от Косицкой. Ждем Александру Ивановну и заранее обещаем себе много удовольствия и ей много аплодисментов...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1939, оп. 1, ед. хр. 37.

Степан Дмитриевич Яновский (1817—1897) — муж актрисы А. И. Шуберт, приятель Достоевского.

¹ Чтение в пользу Общества пособия нуждающимся литераторам и ученым состоялось 25 января в зале Практической академии. Тургенев прочел на этом вечере свою речь «Гамлет и Дон-Кихот». Чтение Островским отрывка из «Свои люди — сочтемся!» было разрешено в результате настоячивого ходатайства Тургенева.

² «Приемыш» — пьеса Г. В. Кугушева. «Сатанилла, или Любовь и ад» — балет-пантомима Ф. Бенуа и Ц. Пуни.

³ Как видно из этого письма, отзыв о «Приемыше» Кугушева, напечатанный в составе «Московских заметок», принадлежит перу Плещеева. «Недаром же светские львы и львицы, — отмечалось в рецензии, — докторально проповедующие против безнравственности «Грозы» Островского, которую, по их мнению, не следует смотреть не только девицам, но и замужним молодым женщинам, ставят в параллель с этой драмой новую пьесу князя Кугушева, где все прилично, все нравственно, где нет этих грубых самодулов, купцов и мещан, — а все графы, графини или столбовые дворяне» (стр. 35).

⁴ Бенефис Щепкина состоялся в Малом театре 8 января. Шли пьесы А.-Ж.-Ф. Байяра и Ф.-Ф. Дюмануара «Кто отец?», «Золотая свадьба» С. П. Соловьева и дивертисмент.

⁵ На этом спектакле 20 января присутствовал и Островский («Летопись», стр. 98).

Б. И. ОРДЫНСКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

1 февраля 1861 г.

На словах в разговоре нелегко высказаться определенительно и окончательно; потому, чтобы не было после недоразумений, я решился к вам, многоуважаемый Михаил Петрович, написать, — как я смотрю на затеваемый вами журнал и на личные мои к нему отношения¹ <...>

Прежде всего, мне не хотелось бы, чтобы журнал наш в общем характере походил на «Москвитянина». Позвольте поговорить о «Москвитянине». Как «Русская беседа» отличается единством и честной прямою, так «Москвитянин» — пестротой и направления и редакции. Вам самим заведовать «Москвитянином» было некогда, а лица, заправлявшие им, беспрестанно менялись. Отсюда рядом с прекрасными литературными произведениями, с любопытными историческими материалами — бывало много хламу. Хламу, в то время, когда издавался «Москвитянин», в других журналах бывало еще больше, но беда в том, что в «Москвитянине» печатались статьи, каких другие журналы обегали и какие очень не по вкусу русской мо-

лодежи, а она-то и составляет большинство живых читателей, и «Русская беседа», объявив в своей программе, что будет проводить православие, встретила несочувствие, хотя православие ее не имеет ничего общего с православием, ныне у нас благоденствующим и высказанным в катехизисе высокопреосвященного Филарета. А в «Москвитянине» «православие, самодержавие и народность» часто высказывались устами Стурдзы, Пановского и других. Благодаря таким проповедникам, не только православие и самодержавие, но и народность пришлось не по вкусу русскому человеку... Тем же направлением восстановил всех против себя и С. П. Шевырев... Немало вредили «Москвитянину» и московские эстетики (Алмазов, Эдельсон, Ап. Григорьев и пр.) — эти планеты, кружащиеся вокруг своего солнца — Островского. Если он головы их отуманил и сделал неспособными ко всякому живому пониманию, то и они ему жестоко отомстили: своими восхвалениями сбили с толку этого едва ли не самого даровитого из русских художников. Ап. Григорьев возбуждает во мне просто суеверный страх: издание, которого коснется он, гибнет, как от чумы...

Автограф. ГВЛ, ф. 231. II. 22. 98.

Борис Иванович Ордынский (1823—1861) — профессор римской словесности, сотрудник «Отечественных записок» и «Современника».

¹ См. статью И. С. Зильберштейна «Аполлон Григорьев и попытка возродить «Москвитянина»», — «Лит. наследство», т. 86, 1973, стр. 567—580 и «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. Барсукова, кн. XVIII. СПб., 1904, стр. 426—433.

С. И. ТУРБИН — А. И. ШУБЕРТ

Харьков. 5 мая <1861 г.>

...Относительно вашего намерения играть в пьесах А. Н. Островского я скажу вот что: сыграете вы, разумеется, очень просто и чрезвычайно натурально, т. е. отлично-хорошо, по-моему; а вы сами знаете, что люди с таким мнением у нас (да и едва ли где-нибудь) не составляют публики, которая, пожалуй, в состоянии принять правду за холодность, а естественность — за невниманье. Для большинства у нас необходимы яростные вопли, дикие завывания, неистовые крики, истерические смехи, величественные позы, вытаращенные глаза, распушенные волосы и прочие безобразия, которых, кроме театра, не увидишь нигде, даже в сумасшедшем доме. Оно, может быть, в искусстве так и следует, я не могу судить об этом. Но только мне кажется, какое — кажется: я убежден, что вы ни одной из этих штук выкинуть не сумеете. Впрочем, с вашим умом и способностями можно рассчитывать на многое, если не на всё...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1939, оп. 1, ед. хр. 17.

Александра Ивановна Шуберт осенью 1861 г. возобновила для своего бенефиса «Бедную невесту» Островского, в которой исполняла роль Марии Ивановны, подготовленную под руководством автора. «Пригласила Островского почитать со мной», — писала она (А. И. Ш у б е р т. Моя жизнь. Воспоминания. СПб., 1913, стр. СXXXIII—СXXXIV).

ИЗ ДНЕВНИКА М. П. САДОВСКОГО

Москва. 20 октября 1864 г.

«Путники», комедия в четырех действиях соч. А. Н. Островского. Есть много людей, которые говорят, что это просто факт, случай — а не комедия. Жалкое понятие! Как от него пахнет плохой начитанностью и желанием сказать что-то серьезное. Всякий, кто видел эту пьесу, тот согласится со мною. Содержание ее рассказывать нечего, потому что для этого потребуется много писанья и времени; довольно сказать об идее,

на которой построена пьеса. Идея ее состоит в изображении таких людей, которые любят потешиться над меньшей братией затем только, чтобы им была возможность похотеться. В пьесе путников четверо: *Хрюков*, купец-старик, двое родственников, купеческих сынков-шалопаяв, претендующих костюмом и вообще наружностью на светских фатов, но ничем не отличающихся от своих собратьев в чужах; фамилии их *Недоносков* и *Недоростков*; третий путник — молодой торговец *Шилохвостов*. Их шутки весьма чувствительны, сильны и оскорбительны, через эти шутки человек совсем было умер. Вот идея пьесы, о которой не было помину не только в поэзии драматической, но и в других родах словесности. Не лишнее будет, если я скажу несколько слов о главных ролях и о их исполнении. *Шумский* в роли старика-чиновника Оброшенова до того отвратителен, рутинен, что от него как от человека, пользующегося таким громким авторитетом необыкновенного таланта, никак нельзя было ожидать подобного исполнения. Уже давно я заметил в нем одну немаловажную страсть, это обыкновенная походка подагриков в роли стариков. У него Иванов («В чужом пиру похмелъ»), Добротворский («Бедная невеста»), Оброшенов, Дмитревский («Актёр Яковлев») — все ходят одинаково. Каким пошлым водевилизмом отзывалась у него последняя сцена комедии!.. Я уже давно смотрю на Шумского, видел его игру и никак не решался назвать его актером мишурным, потому что этой-то блестящей мишурой он удачно прикрывает свои недостатки, и игру его принимают за чистое золото; но странно одно, почему это не замечают? Ведь пора бы, кажется. Чуть роль потребовала большой души — Шумский никуда не годен. *Никулина* меньшая, дочь Оброшенова, довела роль свою до совершенства. Вот где подошла к месту ее наивность, которую она часто употребляла весьма неуместно. Ее слово «Са-ша-а!» и теперь еще звучит у меня в ушах. Дай бог ей успеха в дальнейшем. Об остальных можно сказать, что все было хорошо¹...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 702-а.

Запись сделана Михаилом Провычем Садовским в семнадцатилетнем возрасте.

¹ 24 августа того же 1864 года Садовский записал в дневнике: «Вчера я был в театре. Шла «Гроза», пьеса, замечательная своей сильной, энергической завязкой и характерами действующих лиц. Театр был почти полон, только несколько кресел было свободных. С левой, в литерной ложе сидели воспитанницы. Вооружитесь биноклем и смотрите: вот сидит она; заметьте, с каким лихорадочным любопытством следит она за монологом Катерины. Это лихорадочное состояние происходит от двух причин: во-первых, слова Катерины действуют на нее как на актрису; во-вторых, как на молоденькую женщину, жаждущую любви...»

Н. А. ПОТЕХИН — П. В. ВАСИЛЬЕВУ

⟨С.-Петербург⟩ 25 февраля 1865 г.

...Великое спасибо тебе, добрый друг мой Паша, за письмо твое¹. Получил его сегодня утром, а вот уж и ответ строчу. Бабикову, Аверкиеву, Антропову, Страхову, Достоевскому, всем хорошим людям передаю от тебя поклон и приветы; все единодушно тебе кланяются, благодарят за память <...>

Ты пишешь, чтоб я приезжал как можно скорее². Как понимать это? Ранее шестой недели я быть не могу да думаю и не для чего. К дебютам особенно готовиться мне нечего. Роли Жадова, Мити, Пустозерова, Грузинова, Афони у меня готовы; теперь разучиваю Бородкина. Кажется, для дебютов достаточно <...>

Посмотрим, как ⟨Бурдин⟩ в «Воеводе» разбойника будет изображать, то-то, чай, бенгалики-то запустит — страсть³. Коли не увидим, так услышим.

Автограф. ЦГТМ, ф. 46, ед. хр. 74.

¹ Это письмо неизвестно.

² П. В. Васильев в это время возглавлял русскую труппу виленского театра, куда ангажировал ряд знакомых актеров.

³ В письме, датированном «14 сентября» и, вероятно, относящемся к тому же году, Потехин сообщал Васильеву: «... С твоей легкой руки, благодаря бога, работа спорится. Играл Бородин — принимался; играл Жадова — еще более; за Митю — треск и гром был по театру <...> В воскресенье идет «Гроза», на меня взвалили твою роль, мороз подирает по коже от одной мысли, что придется играть после тебя» (ЦГТМ, ф. 46, ед. хр. 76).

Н. В. СУВОРОВ — П. В. ВАСИЛЬЕВУ

(Москва. Начало 1865 г.)

...Я слышал от А. Н. Островского, что вы теперь имеете большое влияние на состав русской труппы в Вильне; не можете ли сделать доброго дела — определить меня при какой-нибудь должности на сцену на роли при драматической труппе или нет ли места режиссера оркестра, театрмейстера или библиотекаря нот и пьес? Я совершенно доверяю себя вам, на что найдете меня более способным, Павел Васильевич¹. Я кончил службу и по сокращении труппы уволен в отставку с пенсионом 150 рублей в год — вот что мог выслужить за все мытарства и труды. Как щедро наградила московская дирекция! Вы сами человек семейный, можете судить, что на такие деньги нельзя существовать и одному, а у меня двое детей и жена да и привычка к деятельности заставляет искать занятий и дела²...

Автограф. ЦГТМ, ф. 46, ед. хр. 91.

Николай Васильевич Суворов — актер.

¹ Письмом Суворова от 12 марта устанавливается, что, по рекомендации Васильева, он был ангажирован в ковенский театр (ЦГТМ, ф. 46, ед. хр. 91).

² В бумагах Васильева, относящихся к этому времени, находится ряд писем к нему от актеров, исполнителей пьес Островского с просьбой содействовать их поступлению в виленскую труппу.

В. Дорошенко писал Васильеву из Динабурга 8 марта 1865 г. «как к старому товарищу и представителю русского актерства»: «Репертуар любимых мною пьес и иггранных с успехом: «Гроза» — Дикого, «Грех да беда» — Архипа, «Не в свои сани» — отца <...> «Бедная невеста» — Доброворского, «Свои люди» — Большова и т. д.» (ед. хр. 224). А. Е. Воронков в письме 4 марта того же года предложил свои услуги на роли «первых любовников», отмечая, что играл «на спектаклях любителей в С.-Петербурге у Купшелева-Безбородко, и в Пассаже <...> прошедшую весну играл на новгородской сцене». «Мои дебюты, — сообщал он: — 1. Сочинение Островского «Не сошлись характерами» — роль Поля; 2. Сочинение Островского «Доходное место» — роль Жадова» (ед. хр. 224). Прапорщик В. А. Великанов в письме из Кронштадта от 18 сентября 1865 г. сообщал, что он играл Досуева в «Доходном месте» и Андрея Титыча («В чужом пиру похмелье»), заслужив одобрение Васильева. «В пьесах Островского и вообще в ролях молодых купцов я могу быть полезным, мне кажется, артистом и постараюсь оправдать вашу рекомендацию» (ЦГТМ, ф. 46, ед. хр. 22).

Н. И. СТОРОЖЕНКО — А. Н. ВЕСЕЛОВСКОМУ

Париж. 3 июня 1865 г

...Новости из России очень скудны<...> В Петербурге давали «Воеводу» Островского¹. Сюжет взят из областной жизни XVII века; воевода послан на кормление в какой-то город; он является страшным деспотом, обдирает последние рублцы у народа, наводит ужас на всю страну и вместе с тем — сам страшный трус — боится снов, домовых, а пуще всего — вестей из Москвы. Народ выразил свой протест против него единственным способом, который ему оставался, — разбойничеством. На сцену являются несколько молодцов, которые поют народные песни и тем несколько разнообразят эту монотонную пьесу, написанную довольно деревянны-

ми стихами. Лучшая сцена в пьесе — это смерть жены воеводы. Здесь Островский с успехом воспользовался мотивом...

Конец письма не сохранился.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 80, оп. 1, ед. хр. 206.

Николай Ильич *Стороженко* (1836—1906) — историк западноевропейской литературы.

Алексей Николаевич *Веселовский* (1843—1918) — известный впоследствии историк литературы. В это время работал в зарубежных библиотеках и архивохранилищах.

¹ Первое представление «Воеводы» в Александринском театре состоялось 28 апреля 1865 г.

М. Н. ОСТРОВСКИЙ — А. А. КРАЕВСКОМУ

〈С.-Петербург. Около 10 июня 1866 г.〉

...Горбунов мне говорил, что он передал вам первую часть драматической хроники «Дмитрий Самозванец», сочинение моего брата. Посылаю вам вторую часть с покорнейшею просьбою по прочтении меня уведомить — находите ли вы возможным поместить в «Отечественных записках» на условиях, переданных вам Горбуновым. Если вы согласны, то доставьте мне случай видеть вас (назначьте час, я заеду), чтобы окончательно с вами условиться и слышать ваши замечания на пьесу, так как брат просил меня сообщить ему замечания как мои, так и других, в этом деле компетентных (что я и сделал относительно первой части), дабы он мог в летние месяцы заняться отделкою пьесы и к сентябрю отделать ее блестящим образом〈...〉

Я покорнейше просил бы вас не замедлить ответом, т. к. в среду на будущей неделе я уезжаю в Москву¹...

Автограф. ГПБ, ф. 391, ед. хр. 598.

¹ Пьеса появилась не в «Отеч. записках», а в «Вестнике Европы» (1867, № 4).

Я. К. ГРОТ — М. Н. ПОХВИСНЕВУ

〈С.-Петербург〉 14 ноября 1867 г.

...Драмы Островского я еще не знаю¹, но все-таки приеду, главным образом для удовольствия повидаться с старым другом и потом уж для слушанья при этом случае новой драмы. Я уважаю талант Островского и рад буду познакомиться с интересным произведением из уст ли самого автора или другого чтеца. Хотел и без того на днях побывать у тебя...

Автограф. ГИМ, ф. 381, ед. хр. 33.

Яков Карлович *Грот* (1812—1893) — историк литературы, академик.

Михаил Николаевич *Похвиснев* (1811—1882) — в это время директор департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел; впоследствии — начальник Главного управления по делам печати (1869—1870).

¹ Драма «Василиса Мелентьева», которую Островский в это время читал в Петербурге. Чтение у Похвиснева в «Летописи» не отмечено.

Н. Н. ЕНГАЛЫЧЕВ — Н. А. НИКУЛИНОЙ

Вена. 16/28 ноября 1868 г.

...О пьесе Островского я читал; насколько можно судить по критике, пьеса¹ мне нравится, но только это не пьеса, вы совершенно справедливо выразились, а картины и сатира на общество, но на общество даже не нынешнее. Я думаю, что Вильде был плох да и стар для такой роли² 〈...〉 Что пьеса Островского не сделала сбора ни в Москве, ни в Петербурге, я очень рад³; еще несколько таких примеров, и тогда актеры для своих



О. В. ГЗОВСКАЯ В РОЛИ МАРИНЫ МНИШЕК («ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ
И ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ»)

Малый театр, 1909 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

бенефисов не будут бросаться исключительно на оригинальные пьесы, а будут ставить и переводные; ведь, право же, для публики лучше посмотреть хороший перевод, чем плохой оригинал; неужели в целой Европе всё дрянно играют такую, что ее у нас не стоит и ставить на сцену, и только в России пишут дельные пьесы? Отчего же здесь, например, в Вене, беспрестанно играют переводные французские пьесы — ведь не от бедности же немецкого репертуара. А то наладили Островского, по два, по три раза на неделе дают его пьесы, ведь надоест же, наконец! Впрочем, бенефис Вильде, может, был неудачен и потому, что его вообще не любят, а ваш по обратной причине был удачен<...> А что, Вильде поднес себе сам венок? ⁴..

Автограф. ГЦТМ, ф. 191, ед. хр. 53.

Николай Николаевич *Енгальчев* — третьестепенный драматург и переводчик. Его оригинальные и переводные пьесы шли в Малом театре в 1860-х годах.

¹ «На всякого мудреца довольно простоты».

² Премьера пьесы состоялась в Малом театре 6 ноября 1868 г. в бенефис Н. Е. Вильде, исполнившего роль Глумова.

³ В Малом театре пьеса «На всякого мудреца довольно простоты» имела огромный успех. В Александрийском успех был меньше, что объяснялось не только небрежностью постановки, но и новаторским характером этого шедевра Островского.

⁴ 26 октября/7 ноября того же года Енгальчев писал Никулиной из Вены: «Более всего я доволен тем, что вы довольны и что все ваши хлопоты о бенефисе не пропали даром, а увенчались таким блестящим успехом. Интересуясь материальным успехом вашим почти столько же, сколько и удачною игрою, позвольте вас спросить нескромно: дорогие подарки вы получили? Я сейчас назвал вашу игру удачною не без умысла. Вам ведь почти не случилось учить и изучать какую-либо роль, как я это понимаю и об чем я не раз вам говорил, а вы только пользуетесь тем, что вам дала природа, а она, добрая, вам очень много дала, так что если бы вы еще наполовину хотя к этому прибавили от себя... Вы не сердитесь, что я так говорю? Я вам поставлю в пример хоть Федотову, она занимается во сто раз больше вас, а вы, играя некоторые ее роли, лучше ее без всяких занятий, ну, а если б занялись? Луизу можно не играть, но я непременно на вашем месте занял бы почти все роли Колосовой, даже Варвару в «Грозе». Еще раз простите за нескромные советы...» (ГЦТМ, ф. 191, ед. хр. 51). Характерно, что и Островский, очень любивший Никулину как актрису, ставил ее выше Федотовой.

23 января 1869 г. Енгальчев сообщал Никулиной:

«Сейчас получил из Москвы описание бенефиса Садовского и с прискорбием прочитал, что в «Горячем сердце» вы не играли, а играла Федотова. Я удивляюсь вам: вы в течение нынешней зимы ни в одной новой пьесе не играли и не заявляете себя на очередь с Федотовой. Заявите, пожалуйста, себя и «Горячее сердце» и на «Пробного камня». Обе роли скорее по вас, чем по Федотовой, — я так сужу по содержанию <...> Ну, а что ваше намерение перейти в Петербург? Там ведь ни одной актрисы нет талантливой, и вы, конечно, сразу станете там на первое место».

Н. Н. ЕНГАЛЫЧЕВ — Н. А. НИКУЛИНОЙ

Вена. 11/23 июня 1869 г.

...Все время сижу в Вене, только на десять дней ездил в Прагу, это девять часов езды. Приняло меня там общество, как старого знакомого. В театре назначались пьесы по моему выбору, ложи присылались даром. Видел, между прочим, «Доходное место» на чешском языке, раз-выгранное очень хорошо¹. Переводчик желал бы перевести Островского «Василису <Мелентьеву>» и «Шутники», да не знает, где достать. При случае скажите Островскому, не захочет ли он выслать эти пьесы в Прагу на имя редакции «Народные листы»?..

Автограф. ГЦТМ, ф. 191, ед. хр. 63.

¹ О постановке в Праге «Доходного места» — см. во 2-й книге наст. тома.

А. Ф. ФЕДОТОВ — Д. В. АВЕРКИЕВУ

(Москва) 7 октября (1870 г.)

...Жена заявила Островскому, что только в таком случае решится играть «Бешеные деньги», если он даст ей право выбросить из роли все, что она найдет нужным, и он, великий автор российский, сейчас же и дал свое согласие. Я вымарал целыми сценами — и следов не осталось от всех этих мерзостей¹...

Автограф. ГБЛ, ф. 93. II. 9. 87. Из коллекции автографов, собранной А. Г. Достоевской.

А. Ф. Федотов — режиссер. См. о нем стр. 403 настоящ. кн.

¹ Премьера пьесы «Бешеные деньги» состоялась в Малом театре 9 октября. Г. Н. Федотова исполнила с огромным успехом роль Лидии Чебоксаровой.

Е. Э. ДРИАНСКИЙ — С. А. ЮРЬЕВУ

〈Москва.〉 20 ноября 〈1871 г.〉

...Сию минуту только прочел письмо Аполлона Александровича¹. Все предписанное в нем я бы выполнил в точности и был бы у вас в 7 часов, но вот беда моя в чем: завтра только что к 7 часам я могу сам попасть к Островскому и пробуду от 2 до 6-ти за Москвой-рекой у Спаса в Наливках, что к вам уже составит даль ужасающую, а к Островскому будет уже по пути. Не быть у него не могу, потому что дал слово².

Двойне интересует меня желание видеть вас и потому еще, что Аполлон Александрович пишет, что вы хотели о чем-то со мною поговорить. Но ведь, свидевшись у Островского, мы можем очень удобно посвятить на это несколько минут.

Сообразно с этим я бы просил вас устроить так: а) приехать к Островскому не позднее *восьми* часов, я попрошу его раньше восьми не начинать; б) меня вы застанете там *всенепреренно*, потому что не быть — значит огорчить его <...〉 Приезжайте к восьми, мы вас будем ждать, а Островский будет очень рад...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 226.

Егор Эдуардович Дрианский. См. о нем стр. 319 настоящ. кн.

¹ Это письмо А. А. Майкова неизвестно.

² 21 ноября Островский прочел в кругу друзей свою новую комедию «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (см. XIV, 219).

В. И. РОДИСЛАВСКИЙ — С. А. ЮРЬЕВУ

〈Москва. Около 6 марта 1872 г.〉

Собрание драматических писателей дает 14 сего марта в 5 часов в трактире Тестова обед А. Н. Островскому по случаю 25-летнего юбилея его. Собрание надеется, что вы не откажетесь пожаловать на этот обед, подлинная цена на который не свыше 10 рублей¹.

Ответ благоволите прислать не позднее 10 марта распорядителю обеда Михаилу Егоровичу Кублицкому...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 435.

¹ Ф. А. Бурдин сообщил режиссеру А. А. Яблочкину 22 марта 1872 г.: «Я был у Микешина, адрес А. Н. Островскому у него готов, но он просит за него 150 рублей, говоря, что эту цену он заранее объявил Горбунову, но Горбунов по свойственной ему беспечности не предупредил об этом никого. Так что чтоб выйти из этого положения, необходимо сделать нам добавочную подписку...» (ЦГАЛИ, ф. 2304, ед. хр. 1149).

Французский литератор Л. Мальфий писал Островскому из Петербурга 19 марта того же года:

«Позвольте мне в качестве брата (младшего) довольно известного французского драматурга Фелисьена Мальфия присоединиться — с некоторым запозданием — к тем выражениям признательности, которые недавно были высказаны здесь вам как одной из знаменитостей современного театра. Я и сам принадлежу к числу литераторов и не лишен некоторых притязаний (вам известно французское тщеславие), и совсем недавно мной было напечатано мое новое произведение («Экстазы»), и я осмеливаюсь преподнести вам (по почте) один экземпляр этого нового сочинения, которое написал преисполненный почтения и преданный слуга ваш Л. М а л ь ф и й» (ЦГТМ, 164442). — Перевод с французского.

В письме к Островскому, написанном через семь с половиной лет, Мальфий напоминает, что получил от Островского в ответ на присылку этой книги записку, в которой драматург обещал написать ему подробное письмо. Записка Островского остается неизвестной. Письмо, вероятно, не было написано.

Сохранилась еще одна записка Мальфия (1872 г.): «Не может ли г. Островский помочь Л. Мальфию (занятому трудом о славянских литературах) составить список всех русских писателей, начиная с Ломоносова, произведения которых были переведены, разобраны и оценены во французских, английских, итальянских книгах, журналах или газетах?» (там же, 164443).

Н. БОРОДИН — П. В. ВАСИЛЬЕВУ

г. Черкассы. 1 января 1875 г.

...Невыразимо был обрадован, распечатавши письмо от отца и увидевши вашу карточку в роли Любима, — вы предстали в моем воображении, как живой, будто бы я вас вижу действительно на сцене, в первом действии «Бедность не порок» — хотя фотография очень плоха, но, во всяком случае, она меня живо переносит в Москву — в Народный театр, где при оглушительных криках «браво!!» с восклицаниями: «Неподражаемо, верх совершенства, гениально!» я вижу вас, глубокоуважаемый Павел Васильевич, сидящего на стуле и читающего этот знаменитый, в устах ваших, монолог, и я не могу не орать вместе с этою массою, которая в восторге от вашего исполнения!! и за все это блаженство и удовольствие, которое доставила мне ваша карточка, — позвольте принести вам искреннюю, душевную благодарность! Отец пишет мне, что вы обставлены в Москве блистательно, — дай бог вам с каждым днем все более и более приобретать любовь публики и пожинать достойные вашему гениальному дарованию лавры; я слежу за драматическим театром, и каждый отзыв о вашей игре меня душевно радует <...>

Жизнь в Черкассах скучна до-нельзя — грязь невылазная, весна на дворе в январе-то месяце, — но все-таки и Черкассы не хотят отстать и устраивают любительский спектакль, где и я нахожусь членом-учредителем. Будут ставить скоро «Бедность не порок» — думаю попробовать — авось повезет и удастся Любим Торцов — благо и карточка ваша есть под рукой — так же сяду...

Автограф. ГЦТМ, ф. 46, ед. хр. 11.

Н. Бородин — служащий на сахарном заводе.

ИЗ ДНЕВНИКА КНЯЗЯ В. М. ГОЛИЦЫНА

<Москва> 2 декабря 1875 г.

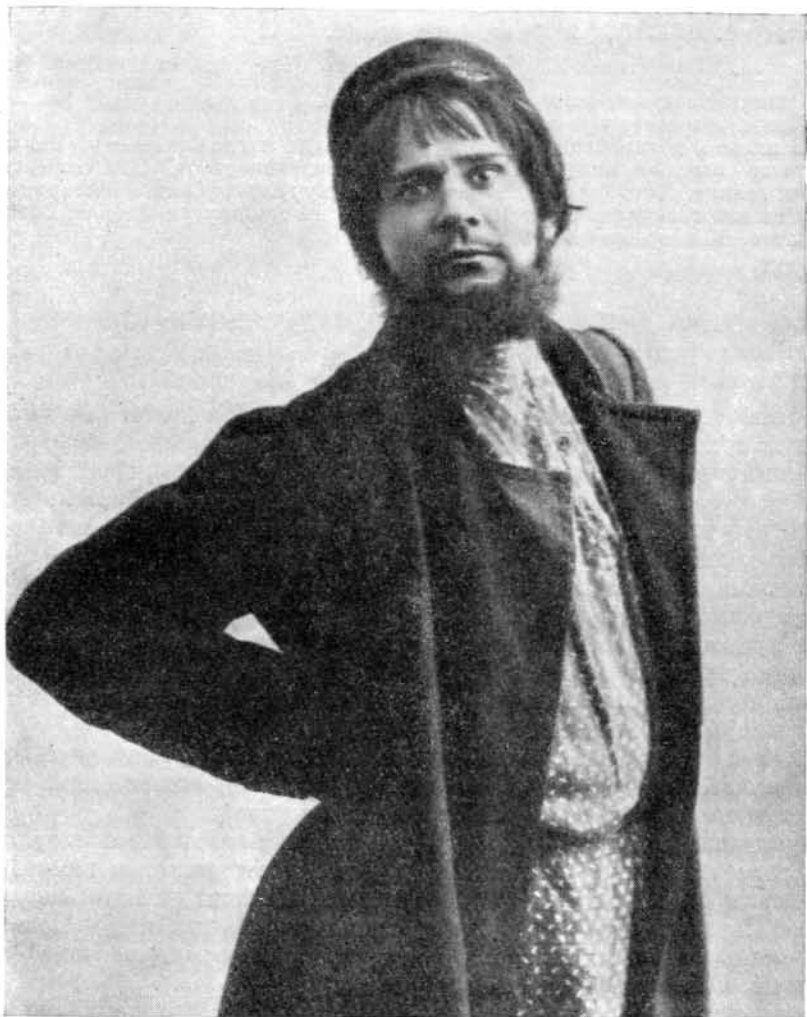
...Я вечером смотрел новое произведение талантливого Островского — «Богатые невесты»¹. Нельзя не признать за этой пьесой, выходящей из ряда обыкновенных того же автора, громадных достоинств, недоступных, к сожалению, пониманию нашей варварской, дикой публики. Поэтому публика встретила ее холодно, ибо ей нужна балаганщина, нужно паясничанье или обличения. С глубоким уважением отнесся я к автору, внесшему в свое новое произведение такое возвышенное, нравственное чувство, ибо в этой пьесе каждое слово дышит правдою, дышит глубоким и искренним культом к добродетели: облик любящей женщины поставлен на громадной высоте и освещает собою все произведение. Досадно мне было слышать оскорбительные, дикие отзывы нашей публики, досадно потому, что отзывами этими они помарали то, чему я искренно, ото всей души поклонялся, именно идее изящного, идее добродетели женской, торжествующей во всех тяжелых жизненных испытаниях.

Нельзя не похвалить игру, особенно же талантливой Федотовой², которая достигает совершенства, которая вносит столько души в свою роль, столько знания женского сердца!..

Автограф. ГБЛ, ГВМ 6, лл. 62—63.

Князь Владимир Михайлович Голицын (1847—1931) — чиновник Московской дворцовой канторы, мемуарист.

¹ Премьера комедии «Богатые невесты» в Малом театре состоялась 30 ноября.² Федотова исполняла роль Белесовой.



М. Ф. ЛЕНИН В РОЛИ ИВАНА КАЛЕЧНИКА («ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ
И ВАСИЛИЙ ШУЙСКИЙ»)

Малый театр, 1909 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

А. Ф. ЖИРАРДО — Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

Лихвин. 9 сентября <1878 г.>

От всей души сознал все ваше будущее, старый друг. Я верю, что только уединение может вдохновить.

Островский, действительно, человек с сердцем, что о нем ни говорят. Где оно нужно, там и проявляется¹<...>

Напишите впечатление Александра Николаевича на вашу новую комедию. Много ли в этой комедии изменили, — как вы мне читали? Кажется, заглавие «Конец — делу венец» или «Кто ожидал?»<...>²

У вас в эту зиму наберется денег; пьеса пойдет часто в Москве да, вероятно, и в Петербурге. Гонорарий, должно быть, 50 рублей с акта³...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 1, ед. хр. 48.

Александр Феликсович *Жирандо* — приятель Соловьева, полицейский чиновник.

¹ Отклик на неизвестное письмо Соловьева.

² Пьеса Соловьева «На пороге к делу».

³ В письме, датированном 24 апреля, Жирандо писал Соловьеву: «Ума не приложу, отчего пьеса не получила премии? Самонадеянность А. Н. Островского» уж слишком велика. Хоть бы отдал в печать, на вашу долю рубликов 500 придется, т. к. он, как вы мне говорили, берет 1000 р. Какую вы это другую пишете? Сообща? Как озаглавлено? Каков вкратце сюжет?» (там же).

Н. ФЛОРИН — М. П. САДОВСКОМУ

⟨С.-Петербург.⟩ 9 декабря 1878 г.

Письмо твое, Михаил Провыч, получил¹, но отвечать на оное не собрался до сих пор по следующей причине: поручил ты мне посмотреть «Бесприданницу» и «Белугина», вот я их и смотрел; последнего, между прочим, видел только 5 декабря, а, как тебе известно, я именинник, ну и, значит, писать до сих пор не мог, да и сегодня-то рука все еще не совсем свободно ходит.

Начинаю с «Бесприданницы»; ты, вероятно, читал в газетах, что она имела здесь большой успех. Увы — это одна мечта. Успех она имела в первое представление в Александринском театре²; я же смотрел ее в Мариинском, публика которого, как тебе неизвестно, нисколько не похожа на публику Александринки, и она провалилась точно так же, как и в Москве³ (судя по твоему письму).

Это и понятно, ибо в пьесе этой, особенно в первом акте, действия нет никакого, а одни только разговоры, которые, может быть, очень интересны в чтении, но невыносимо скучны на сцене.

Карандышева играет здесь Полонский, и играет очень недурно*, но самая роль настолько несимпатична, что все это выходит вничью.

Вызвали его один раз после третьего действия и один раз в конце вместе с Савиной — и только (т. е. опять-таки то же, что в Москве). Затем — очень недурны Сазонов и Арди и невыносимо мерзки Бурдин и Нильский. Савина так и осталась Савиной.

Перехожу к «Белугину»⁴. От Сазонова я ожидал гораздо больше. Или ему надоело играть эту роль или он был не в ударе — только играл он весьма слабо. По большей части он и не играл, а читал просто, даже монолог четвертого действия, где он крикнул погромче только несколько слов («подожгу», «убью» и т. д.). Во втором и третьем акте, по моему мнению, он изображает слишком скромного юношу. Затем — остальные, кроме Стрепетовой, так мерзки, что, ей-богу, писать не стоит. Что они устроили в конце — так это ума помрачение. Представь себе, что для финала все начинают обниматься и целоваться! Зачем? Как есть финал какого-нибудь водевиля с благополучным окончанием. Недоставало только бенгальского освещения. Афиши прилагаю...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 363.

¹ Это письмо неизвестно.

² Премьера драмы «Бесприданница» состоялась 22 ноября в бенефис Ф. А. Бурдина, с участием М. Г. Савиной в роли Ларисы.

³ «Бесприданница» была впервые поставлена в Малом театре 10 ноября. Спектакль прошел с большим успехом.

⁴ Первое представление «Женитьбы Белугина» в Александринском театре состоялось 11 января 1878 г.

* Только уж очень слезливо и с большими дрожаниями в голосе, особенно в 3-м акте. (Примечание Н. Флорина).

3 ноября 1890 г. Савина сообщала Н. Я. Соловьеву: «...На днях с огромным успехом возобновили «Белугина» с прежними исполнителями, только за Бурдина играл Шкарин, а за мою сестру — Пасхалога. Мы с Сазоновым забыли, что в первый раз пьеса шла 13 лет назад, и горели юношеским огнем, словом — священнодействовали. Ну и что же было с публикой!..» (ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 1, ед. хр. 66).

В. Ф. СТАРИКОВ — Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

Киев. 13 февраля 1879 г.

...Благодарю за брошюры. Прежние твои комедии я уже прочел в «Отечественных записках»¹, а новая пришла как раз кстати пред спектаклем². На публику она произвела очень хорошее впечатление, несмотря на слабую игру артистов и глухую зиму. Вообще отзыв, что она пьеса *жизненная*, а Акимыч сделал фурор. Вообще здесь драматическая труппа слаба, и посещают ее только в дни приездов известностей, а то просто пустыня. Даже и Островский не увеличивает сбора. В этот же *твой* спектакль, благодаря масленице, сбор был до 3/4. Летом же здесь состав артистов более хорош. Твоего «Белугина» и «Счастливый день» я видел тогда в очень порядочном исполнении (Горев—Белугин, Немиров — Ральф; невеста и прочие тоже очень сносны). Одобряю твою скромность, но должен сказать тебе, мой милый, что успех твоих пьес вполне заслужен...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 1, ед. хр. 71.

В. Ф. Стариков — дядя Соловьева, киевлянин.

¹ В «Отеч. записках» были напечатаны две пьесы, написанные Соловьевым в сотрудничестве с Островским, — «Счастливый день» (1877, № 7) и «Женитьба Белугина» (1878, № 5).

² Вероятно, пьеса Соловьева «На пороге к делу».

Н. Н. КИРЕЕВ — И. В. ШПАЖИНСКОМУ

Одесса. 30 марта 1879 г.

...Я поставил в свой бенефис «Майоршу», один экземпляр которой был получен мною от вас, другой — от Молера. Нужно вам сказать, что Одесса — город с более европейским вкусом и привычками; дух русской жизни, прелести языка русского наполовину непонятны одесской публике; в театре ей нужна интрига, бойко и интересно завязанная, *непрерывно живое действие* и ИГРА актеров, т. е. особая рельефность жестов, интонаций, мимики и движений у них. Я не ошибусь, если прямо выражусь, — одесской публике нужен некоторый шарж во всем у актера; простоты, картины, образа, диалога без помощи *игры* — ей мало. То же, что я заметил и в Париже — в театрах (...)

Мое мнение: работайте, у вас, ей-богу, *драматический* талант. Знаете, какое ваше великое достоинство: у вас в «Майорше» нечего вычеркнуть — разве только первую сцену в последней картине: все *необходимо*. А это дается не одним знанием сцены, т. е. не одной техникой — нет! Это у вас особенность вашего таланта. Вон Островский — наш единственный драматург — если бы не блестящий диалог, язык, — то вычеркивая вволю в какой угодно пьесе его, и пьесы оттого нисколько не потеряют...

Автограф. ГЦТМ, ф. 309, ед. хр. 153.

Николай Петрович Киреев (1843—1882) — актер и режиссер.

Ипполит Васильевич Шпажинский (1848—1917) — драматург, автор «Майорши», упоминаемой в тексте письма.

П. М. НЕВЕЖИН — М. П. САДОВСКОМУ

Клин. 23 апреля (1879 г.)

...Все ждал, что черкнете мне несколько строк по прочтении «Поисков счастья». Вы знаете, как я ценю ваш приговор. Приятно было бы, если, вместе с вашим суждением, присоединится и мнение Александра Николаевича¹, но для меня приятно особенно мнение ваше как человека, принимающего теплое участие в судьбе моего детища...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 191.

¹ О пьесе Невежина «Поиски счастья» в письмах Островского упоминаний нет

Н. А. СОЛОВЬЕВ-НЕСМЕЛОВ — И. З. СУРИКОВУ

С.-Петербург. 18 ноября 1879 г.

...В мире газетном грызня, в мире журнальном прозябание. Что-то новый высокосный год нам родит в мысли и в искусстве? По части новых пьес — и Островского бракуют, — я же в театрах бываю редко, а потому лично судить не могу: упал талантливый бытописатель темного царства или и тут брехня...¹

Автограф. ГБЛ, ф. 295.5336.2.9.

Николай Александрович *Соловьев-Несмелов* (1848—1901) — детский писатель, друг и биограф поэта И. З. Сурикова.

¹ Вероятно, непосредственный отклик на высказывания рецензентов о представленной 11 ноября в Александринском театре комедии «Сердце не камень».

Н. Я. СОЛОВЬЕВ — М. П. САДОВСКОМУ

С.-Петербург. 26 августа (1880 г.)

...На возврате с Кавказа я недели две пробыл у Александра Николаевича¹, о чем, верно, уже вы и знаете от Марьи Васильевны; ваше письмо ко мне на Кавказ мною получено в Щелыкове². А повидаться нам так-таки и не удалось; в Москве теперь я был лишь несколько часов.

Летом я поработал; в Щелыкове привел все это в порядок, и, кажется, осенью появится новая пьеса³, в которой чаю увидеть и Михаила Провыча, только, ради бога, молчание полное пока.

В Щелыкове я так был занят своей работой, что не замечал, не ощущал царствующей там всегда тоски; ждали вас последние дни, но напрасно: верно, так и не нашли вы спутников!

На днях слышал от Нильского о припечатании цензурой какого-то нового творения Тарновского, который было уже совсем собрался ставить это незаконное детище свое у вас в Москве. Досада! Жаль милого автора. Положим, он сейчас же, верно, разрешится чем-нибудь еще новым. Благодарю вас за пожелания мне; не сомневаюсь в их искренности, да кабы вашими устами да мед пить!

Пишите мне, пожалуйста, что у вас деется? Между прочим, меня интересует, выдержал ли экзамен старшенькой Александра Николаевича?⁴ (Ну уж и чадо!)...⁵

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 307.

¹ Соловьев находился в Щелыкове в начале августа.² Это письмо неизвестно.³ Пьеса «Светит, да не греет», написанная при участии Островского.⁴ Саша Островский.⁵ См. ниже ответное письмо Садовского.



Н. К. ЯКОВЛЕВ В РОЛИ ДОРМИДОНТА («ПОЗДНЯЯ ЛЮБОВЬ»)

Малый театр, 1896 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

М. П. САДОВСКИЙ — Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

Москва. 28 августа 1880 г.

... Душевно радуюсь, что работа ваша исполнена; одно любопытно было бы мне знать: удалось вам отделаться от сотрудничества Александра Николаевича или нет?

Будьте так добры, черкните, когда ваша новая пьеса сможет быть совершенно окончена и не могу ли я рассчитывать на нее для своего бенефиса?¹ День этого торжества — 7 ноября. Мне нет надобности уверять вас, как это было <бы> приятно; скажу вам более: в силу разных житей

ских подлостей и обстоятельств, я должен всеми мерами стараться дать в свой бенефис что-нибудь новое и, главное, хорошее. На театре, сколько я могу заметить по началу сезона, меня намереваются сгравить самым неприятным образом. Если можно что-нибудь для меня сделать, так сделайте. Это будет и доброе и хорошее дело <...>

Из Островских никого не видал; гордая персианка² почему-то к нам не заявлялась, хотя обегала, сколько мне известно, всех своих знакомых. Что касается милого Сашуточки, то надо полагать, что наука его должна потерять навеки, и, вероятно, блестящий юноша будет со временем употребляться на какие-нибудь механические упражнения, не требующие особенного остроумия...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 1, ед. хр. 67.

¹ См. примеч. 3 к предыдущему письму.

² Насмешка над женой Островского Марией Васильевной.

Н. Я. СОЛОВЬЕВ — М. П. САДОВСКОМУ

С.-Петербург. 9 ноября <1880 г.>

...Вероятно, вас так взяли послебенефисные хлопоты, что вы и забыли одного из авторов; о спектакле до сих пор от вас ни строчки хотя бы по почте (об услуге телеграфа я уже не думаю)¹. Александр Николаевич тоже молчит². Таким образом, до вчерашнего дня я оставался в тяжелом неведении (как будто за что-то наказанный этим), но вчера я случайно встретился с одним только что приехавшим москвичом; он был на бенефисе и искренно сообщил мне, что пьеса успеха не имела; на публику произвела впечатление незавидное, а помогла сему значительно Никулина, бывшая в роли Реневой совсем не на месте (я еще в деревне поспорил за сию даму с Островским, но...).

Грустно, тяжело, но все-таки лучше знать, чем не знать и томиться...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 308.

¹ Премьера пьесы «Светит, да не греет» состоялась в Малом театре 6 ноября, в бенефис М. П. Садовского.

² 8 ноября в письме к Соловьеву Островский описал первое представление их пьесы в Малом театре; по его мнению, главной причиной неуспеха была игра М. П. Садовского, который «совсем погубил свою роль». «Он человек упрямый и капризный, несмотря на мои убеждения, он ни разу не репетировал, как следует, говоря, что он все сделает в спектакле» (XV, 194). Неудача спектакля объяснялась, в основном, слабой сыгранностью актеров.

М. П. САДОВСКИЙ — Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

<Москва.> 11 ноября 1880 г.

...Простите, что я промедлил уведомлением о представлении пьесы; я не телеграфировал вам потому, что просто не хотелось огорошивать вас известием о неуспехе. Лгать и сочинять умильные слова, по-моему, было бы еще хуже. Я решился дожидаться повторения: посмотреть, что будет; и вот, исполнив это, пишу вам¹. Второй спектакль был гораздо удачнее первого, хотя главное действующее лицо, Ренева, так и осталось без хлопущки. Никулина — слабость Александра Николаевича, и слабость очень дурная. В роли Реневой она гадка и негодна до последней возможности; это какая-то богаделенка, а не блестящая, все освещающая барыня. Попадай эта роль в настоящие руки, играй ее Федотова — дело приняло бы

совсем другой оборот. И остальное-то все, что кругом нее копошится, ожило бы значительно, но Александр Николаевич утверждает, что Федотова — сволочь, а Никулина — божество. В своей новой пьесе «Невольницы» он было опять заставил Никулину играть главную роль, но ей сказали стороной, что это будет очень скверно, и она сама отказалась, — роль играет Ермолова. А следовало играть опять-таки Федотовой.

Прочитав свою пьесу, вы, вероятно, увидите, что все его сотрудничество выразилось в нескольких поправках и исправлениях выражений; между тем, он не потрудился обратить никакого внимания на концепцию 4-го акта, что ему как многоопытному автору непростительно. Там, например, много раз появляется Дерюгин, — зачем? Для того только, чтобы сказать о рыбе? Зачем приходит Худобаев? Каким образом ночью в пустынном месте сходятся почти все действующие лица? Перенесите из деревни место действия хоть на Тверской бульвар, и тогда зритель не будет видеть, что это все подобрано автором нарочно. Вследствие этого впечатление зрителя становится смущенным, и, вместо того, чтобы поразить, его заставляют улыбаться и неодобрительно покачивать головой².

Надеюсь, добрейший Николай Яковлевич, что вы не посетуете на меня за эту мою откровенность и не усомнитесь в моей искренности. Полагаю, что все вышеизложенное останется между нами...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 1, ед. хр. 67. Частично напечатано в статье Д. И. Малинина «Переписка А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева». — «Лит. сборник», № 1. Кострома, 1928, стр. 28 и 117.

¹ См. предыдущее письмо.

² Эти несправедливые и недоброжелательные высказывания Садовского об Островском не характерны для его отношения к великому драматургу в целом. Ср. стр. 603—604 наст. изд., кн., позднейшее высказывание Садовского в письме к Соловьеву: «Покойный Александр Николаевич писал «Снегурочку» в очень зрелом возрасте, а проявил такую силу воображения, такой высокий поэтический талант, каких и не снилось самой пылкой юности» (ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 1, ед. хр. 67).

П. С. ВИБИКОВ — Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

(Калуга.) 24 января 1881 г.

...Получил я присланную вами книгу, которая доставила мне величайшее удовольствие. Ваше ко мне внимание и доброе расположение глубоко меня тронули, и я не нахожу слов, чтобы выразить вам мою искреннюю и сердечную благодарность за ваш дорогой для меня подарок, который я ценю весьма высоко.

С живейшим участием следил я за вашими успехами на драматическом поприще и, судя по тому, что вами уже сделано, предсказываю вам блестящую будущность. Я видел на калужской сцене три ваши пьесы: «Свадьба Белугина», «Дикарка», «Светит, да не греет». Они имели здесь большой успех и мне очень понравились; кроме интереса содержания, они необыкновенно сценичны; сыграны они были очень удовлетворительно. Ваше имя уже пользуется достаточною известностью среди образованной публики, и потому я думаю, что пришла для вас пора явиться писателем самостоятельным, не имеющим надобности присоединять к своему имени имя другого автора, хотя бы и первоклассного. С нетерпением буду ожидать той минуты, когда это случится, а пока от души желаю вам всего самого лучшего и полного успеха в ваших литературных трудах...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 1, ед. хр. 40.

Петр Сергеевич *Вибиков* — директор калужской гимназии, в которой учился, а затем преподавал Соловьев.

В. Ф. СТАРИКОВ — Н. Я. СОЛОВЬЕВУ

Киев. 26 февраля 1881 г.

... Я видел драму на двух сценах и об исполнении одной (драматического общества) присылаю вырезку. Жаль, что ты другую уже штуку публикуешь от двух лиц¹. Добавки Островскому не настолько важны, чтобы он погнался за упоминанием о нем. Ему это обстоятельство прибавит немного, а от тебя *отнимает* много, ибо публика думает, что главное все — замысел и постройка — принадлежит ему, а ты только сотрудник по деталям. В особенности это замечается после явления у него нового наперсника, как его уже называют, — Невежина. Благодарность — вещь хорошая, но нужно же и предел знать. В будущем желаю тебе выступать одному. Тем более, что «На пороге к делу» удалась и для очень многих правится лучше «Дикарки» и «Светит, да не греет»...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 463, оп. 1, ед. хр. 71.

¹ К Соловьеву в это время неоднократно обращались его корреспонденты с настойчивым советом «отделаться» от соавторства Островского и писать свои пьесы самостоятельно. Между тем, как известно, пьесы, созданные Соловьевым без участия Островского, оказались гораздо слабее, чем те, которые были написаны им в сотрудничестве с маститым драматургом. По словам другого соавтора Островского, П. М. Невежина, «в обществе ходили толки, что Островский не только испортил, но извратил работу Соловьева» («Женитьбу Белугина»). — См. «Островский в воспоминаниях современников», стр. 267—268.

Ст. РОШЕ — М. П. САДОВСКОМУ

Перевод с французского

Париж. 25 мая 1882 г.

... Г-н Губонин¹ выразил желание показать мне то место в вашем недавнем письме, где говорится обо мне. Благодарю вас, милостивый государь, за интерес, который вы, по-видимому, проявляете к задуманному предприятию. Я всегда живо и с особенным интересом относился к русской литературе и к России; в некотором роде я посвятил свою жизнь изучению вашей родины и не переставал и в прессе, и как преподаватель, и в официальной своей деятельности, которая была мне доверена, делать все, что от меня зависело, чтобы мои соотечественники ознакомились и оценили это. Так, я в течение ряда лет делал в Международном литературном обществе, членом которого являюсь, публичные доклады и разбирал в них разных современных русских писателей. Вечер, посвященный мною творчеству г. Островского, принес мне особый успех, честь которого целиком принадлежит выдающемуся автору стольких прекрасных пьес. Я не скрываю трудностей, присущих тому роду работы, коей я предполагаю заняться, ибо эти трудности уже оттолкнули, я знаю, более сильные таланты, чем тот, которым я могу располагать, но все же, благодаря ободрению прославленного автора и разрешению, которые он соблаговолил мне предоставить при вашем посредстве и при посредстве г. Губонина, я не колеблюсь с сегодняшнего же дня отважно приняться за эту работу.

Если бы вам угодно было, милостивый государь, в некоторой степени присоединиться к моему смелому замыслу, представляя мне наряду со своим авторитетом и своим сценическим опытом, в самом общем виде, советы и указания насчет пьес, которые кажутся вам по характеру более важными, всеобщими, лучше всего поддающимися столь деликатной всегда операции перевода, вы помогли бы мне в глубоком изучении, которому я намерен предварительно предаться, произведений прославленного мэтра,

с тем, чтобы выбрать пьесы, подходящие в первую очередь для французской публики.

Г-н Губонин, которому я смог оказать кое-какие услуги в качестве преподавателя французского языка, щедро ободряет меня и предлагает даже взять на себя расходы по печатанию первого издания. Но драматические произведения могут быть по-настоящему оценены только на сцене, и я постараюсь побудить один из парижских театров сыграть какой-нибудь из шедевров русского мэтра.

Я буду счастлив, если смогу, насколько это в моих силах, содействовать славе вашего великого драматического писателя. Вы меня очень обяжете, милостивый государь, передав ему почтительное выражение моего восхищения...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 272.

Стефан Роше (Rochet) — педагог и журналист, выразивший желание перевести на французский язык сочинения Островского. По-видимому, этот замысел так и остался неосуществленным.

В архиве Островского сохранилось адресованное ему письмо известного переводчика Э. Дюрана-Гревилля из Парижа от 21 июня 1877 г., также связанное с изданием во Франции сочинений русского драматурга. Привожу текст этого письма в своем переводе с французского:

«Дорогой господин Островский! Вот уже несколько дней как я обосновался в Париже, в моем новом жилище на *улице Лепик, № 50*, и первой моей серьезной работой явится вскоре чтение и перечитывание ваших драматических произведений, в том числе очаровательной «Снегурочки», которая услаждала наш обратный путь.

Цель этого моего письма — прежде всего в том, чтобы поблагодарить вас за превосходный прием, оказанный нам в прошлом месяце, а затем — чтобы напомнить вам о вашем обещании — прислать мне небольшую биографическую заметку. Я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы взяли на себя труд указать мне точную дату написания ваших сочинений — отнюдь не всех — это было бы делом слишком долгим, — а только тех из них, которыми вы отдаете предпочтение.

Моя жена посылает вам один или два тома своих сочинений. Будут ли они доставлены вам почтой в полном порядке? — хочется надеяться на это.

Директор Одеона <...> говорил мне с восхищением о вашей «Грозе», перевод которой я просил ему прочесть. Поскольку у него уже шли две драмы с русским сюжетом и он готовит «Михаила Строгова» Жюль Верна к будущему году, он почти и подумать не смеет о том, чтобы дать что-нибудь русское в четвертый раз без перерыва; однако он обещал мне возобновить разговор об этом *позднее*, когда сочтет обстановку более благоприятной. Он прибавляет, к сожалению, нечто такое, что не особенно придется вам по вкусу: «Грозу», по его словам, придется *переделать*. Я сказал ему в ответ, что если эта переделка приведет к искажению пьесы, то я не желаю иметь к этому делу никакого отношения и заберу назад свой перевод; если же речь идет об отдельных купюрах и малозначительных переменах, сделанных с тем уважением, какого заслуживают это произведение и автор, то можно будет найти общий язык. Во всяком случае, обо всем этом мы еще успеем переговорить.

Моя жена посылает свои наилучшие пожелания вам так же, как вашей очаровательной семье, и я целиком присоединяюсь к ней.

Искреннейше преданный вам

Э. Дюран

Улица Лепик, 50»

(ГЦТМ, ф. 200, ед. хр. 356-а).

¹ См. ниже письмо Н. П. Губонина, бравшего уроки у Роше и, по-видимому, связанного с Островским и Садовским.

Н. П. ГУБОНИН — М. П. САДОВСКОМУ

Париж. 27 мая 1882 г.

Мужчина приятный во всех отношениях, благодарю за письмо, которое я получил на этой неделе¹. Все, что вы написали мне по поводу моего француза², я передал ему, и он собирается послать вам в свою очередь письмо.

Относительно книг для вас я к нему обратился как только приехал в Париж, но от него, как от козла молока, до сих пор ни одной дожидаться не мог. В настоящее время дело обстоит так, что ни Островскому, ни вам книги еще не высланы³ (исключение — «Quatre Vingt Treize»⁴, которую уже давным давно послал). Две недели я сижу без копейки, а с таким капиталом купить нельзя много. Ожидаю присылки от Елисеева и тогда сию же минуту вышлю всё...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 137.

¹ Это письмо неизвестно.

² Ст. Роше. См. предыдущее письмо.

³ О присылке каких книг просил Островский, не установлено.

⁴ Роман В. Гюго «Девяносто третий год».

Ст. РОШЕ — М. П. САДОВСКОМУ

Перевод с французского
Париж. 23/11 июня 1882 г.

...Две пьесы, которые г. Островский любезно указывает мне как лучше всех других поддающиеся переводу, уже привлекли к себе мое внимание, и я поздравляю себя с тем, что в этих обстоятельствах я стал на ту же точку зрения, что и знаменитый мэтр. Я не могу, к величайшему моему сожалению, сразу же приняться за работу, потому что вынужден отлучиться на несколько недель, и мне не удалось раздобыть в Париже, у книготорговцев произведения вашего национального писателя. Г-н Губонин обещал мне прислать их или привезти по возвращении. Я буду ждать с нетерпением момента, когда смогу приняться за выполнение этого проекта, о котором мечтаю, признаюсь, уже давно. Как только мой труд продвинется настолько, что о нем можно будет судить, я поспешу вам его отправить, дабы узнать ваше мнение и мнение г. Островского. Не надеясь полностью достигнуть высоты столь трудной задачи, я буду считать себя вознагражденным, если смогу получить одобрение того, кто пожелает почтить меня разрешением ознакомить с его творениями французскую публику.

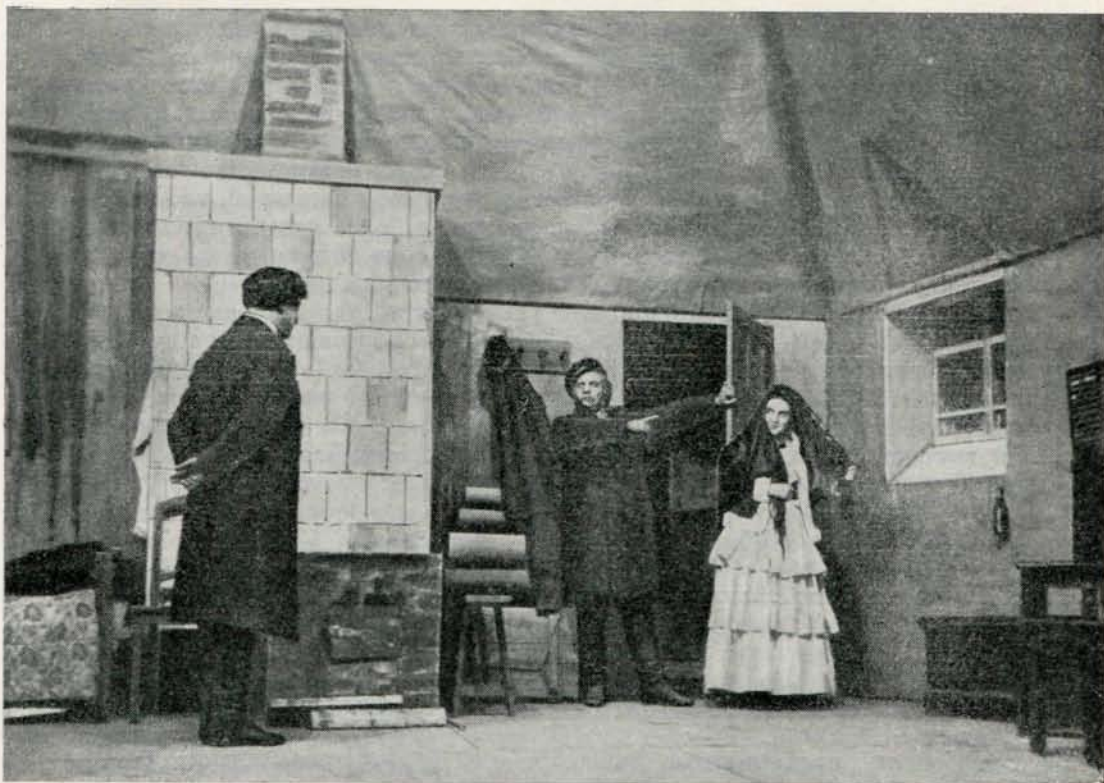
Благодарю вас, дражайший господин Садовский, за любезное разрешение писать вам по-французски, а я со своей стороны прошу продолжать отвечать мне на русском языке; я думаю, что это, действительно, будет гораздо удобней, особенно для меня, ибо хотя я достаточно владею вашим языком, изучению которого я, так сказать, посвятил часть своей жизни, я был бы сильно затруднен во многих случаях, выражая на нем все свои мысли. По моему убеждению, нельзя отлично владеть больше чем одним языком, — знать можно несколько, и ваши соотечественники отлично доказывают это, разговаривая правильно и нередко с изяществом на нашем языке, — но мысли облачаются всегда в те формы языка, в которых мы были воспитаны и которые являлись его органом при первых проявлениях нашего разума...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 273.

Ст. РОШЕ — М. П. САДОВСКОМУ

Перевод с французского
Аркашон. 12 августа 1882 г.

...Я получил здесь, в Аркашоне <...>, ваше милое письмо. Мне приходится, однако, выразить сожаление, что я не могу тотчас же выполнить



СЦЕНА ИЗ ПЕРВОГО АКТА ПЬЕСЫ «БЕДНОСТЬ НЕ ПОРОК»

Митя — А. А. Остужев, Любим Торцов — Н. К. Яковлев

Малый театр, 1923 г.

Фотография

Центральный театральный музей, Москва

поручение, которое вам благоугодно было мне доверить; однако я пишу с этой же почтой одному из своих парижских друзей, который тотчас же примется, надеюсь, за поиски драматических произведений Карло Гоцци. Если ему не удастся найти их у парижских книгопродавцев, я убежден, что смогу раздобыть их, как только возвращусь в Париж, если только издание этих произведений еще не разошлось полностью и не отсутствует в продаже. В этом случае для нас останется еще один ресурс — Национальная библиотека, где я смогу, чтобы угодить вам, заказать копию или выписки.

Мое возвращение в Париж состоится незамедлительно, ибо я чувствую себя почти совсем поправившимся благодаря морским купаньям. Прошу вас обращаться ко мне каждый раз, когда у вас возникнет в этом необходимость. Я всегда буду счастлив быть вам полезным или приятным, так же как буду польщен, выполняя поручения, которые г. Островскому будет благоугодно мне давать.

Ожидаю с нетерпением возвращения г. Губонина, который должен привезти мне сочинения мэтра. Я полон нетерпения приняться за эту работу, не скрывая от себя трудностей, которые мне придется преодолевать; надеюсь, что мне удастся выполнить труд, способный дать французской публике представление или, по крайней мере, ощущение столь оригинального и в то же время столь возвышенного гения — мэтра современной русской сцены. Я принимаю, впрочем, любезное предложение, которое вы мне

делаете от своего имени и от имени г. Островского; я напишу вам и, в случае необходимости, буду даже злоупотреблять вашими благими советами, ибо важно сделать что-нибудь достойное автора, и я не хочу ставить свою подпись под переводом, сделанным кое-как, в том легкомысленном духе, который отдельные французские писатели вносят иногда в свои суждения о вашей стране. Я в высшей степени разделяю симпатию, проявляемую моими соотечественниками к России, но я льщу себя надеждой, что люблю русскую природу гораздо более просвещенно и более незаинтересованно, чем широкие круги французской публики. Это не только общее чувство нерасположения, которое внушает нам соседний народ¹, а теплое чувство умиления перед нынешними несчастиями, так же как непобедимая надежда на его будущие судьбы, сердечно соединяют меня с этим чудесным народом, биение сердца которого я чувствовал в своей груди, как сказал какой-то поэт. Я постиг, сколько есть под его еще грубой и первобытной оболочкой великодушия и непреодолимого влечения к прогрессу и к высочайшим целям справедливости и возрождения...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 274.

¹ Роше имеет в виду немцев.

СТ. РОШЕ — М. П. САДОВСКОМУ

Перевод с французского

Париж. 16 сентября 1882 г.

...Поиски, предпринятые мною, чтобы раздобыть сочинения Гоцци, еще не завершились, и я сожалею, что в этих обстоятельствах я был опережен человеком, который предложил г. Островскому сочинения этого итальянского писателя¹—я был бы счастлив представить вашему прославленному другу это доказательство моей преданности и желания быть ему приятным. Мы обладаем в Париже несколькими переводами этого итальянского драматического поэта, но должно признаться, что его заслуги еще не бесспорны; многие авторитетные критики видят в Гоцци лишь второстепенного писателя, пьесы которого часто напоминают произведения старческой литературы, возвращающей нас к ребячествам простодушных времен, в коих дух нации как бы ищет своего пути; другие же, наоборот, рассматривают его как творческого и оригинального гения, жертву литературного ostracismo. То, что мэтр современной русской сцены, по-видимому, высоко ценит этого итальянского поэта, забытого у себя на родине, должно, вероятно, оправдать мнение сих последних.

Поистине не знаю, как вас отблагодарить за посылку пьес г. Островского, о которой вы сообщаете. Итак, я вскоре смогу приняться за работу? Если только я буду настолько счастлив, что смогу передать мысль часто столь глубокую и тонкую, которая так живописно выражается в вашем языке и особенно ту, которая выступает в речи персонажей вашего великого поэта, я буду считать, что оказал большую услугу своей родине. Я очень рассчитываю на благожелательность, которую прославленный писатель счел возможным мне обещать при вашем посредничестве, милостивый государь, мне придется злоупотреблять ею, ибо не хочу выступать перед публикой иначе как с тщательно выполненной работой, сознательной и достойной, насколько это только для меня возможно, ее автора.

Когда вы увидите г. Губонина, благоволиите, милостивый государь, передать ему мои наилучшие пожелания; я нашел в нем самый законченный и в то же время самый симпатичный образец славной и благородной рус-

ской молодежи, умной и великодушной, которая представляет собой надежду вашей родины. Я рассчитывал вновь найти его в Париже по своем возвращении. Его продолжительное отсутствие заставляет меня опасаться, что он отказался от намерения закончить свое учение, начатое у нас. Вы очень обяжете меня, разуверив меня в этом отношении...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 275.

¹ В библиотеке Островского сохранились два собрания сочинений К. Гоцци—на итальянском (1801—1803) и французском (1865) языках.

А. А. НИЛЬСКИЙ — М. П. САДОВСКОМУ

С.-Петербург. 9 ноября 1882 г.

...Все, что я имею сказать вам, вы, вероятно, слышали, читали в газетах, а может быть и сами чувствуете, служа на сцене Малого театра. Всегда, как вам известно, случалось нашему брату-актеру испытывать и неприятности, и недовольство, видеть несправедливости и глотать незаслуженные оскорбления, но все это — ничто в сравнении с тем, что происходит в настоящее время в нашем театре. Потехин¹ оставит по себе памятник знаменитый, когда бог сжалится над русским театром и его изгонят с его поста для блага всех служащих с ним и русского искусства. Долго пересказывать вам его мерзости, его бестактность и положительную неспособность к тому, за что он взялся; это все со временем не будет секретом для публики, хотя и теперь уже он сделался притчей во языцех у этой почтеннейшей публики.

Говорят, что он отказался от вашего театра, с чем я вас душевно поздравляю, и прошу отслужить благодарственный молебен у Иверской <...>

Кланяйтесь любезнейшему Александру Николаевичу; как его здоровье? Он мне писал, что хворает², — это очень прискорбно. Передайте ему, что я не извещал его о пересылке в Москву проспектакльной платы потому, что Бурдин давно уже был извещен, что она отправлена в Москву, а следовательно, и ему это было известно...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 198.

¹ А. А. Потехин.

² Это письмо Островского к Нильскому неизвестно.

В. Д. СУШКОВ — А. П. ЧЕХОВУ

Казань. 10 мая 1883 г.

...Вероятно, вы не будете оспаривать того, что у нас (да и не только у нас, а повсюду) в литературных кружках очень много значит «имя». Чтобы заручиться им, необходимо обладать или действительно выдающимся, недюжинным дарованием, или же литературными знакомствами и протекцией; в противном же случае нелегко пробивать себе дорожку в эту среду. Раз человек имеет литературное имя, он может быть спокоен за судьбу своих творений. Я убежден в том, что если бы некоторые из произведений наших знаменитостей были посланы в редакции под другим именем, то они наверно бы испытали печальную участь... И наоборот, достаточно наклеить на творение начинающего, неизвестного автора ярлык знаменитой «фирмы» — и оно идет. Пример тому Островский, который вывез в свет Невежина и Соловьева.

Автограф. ГБЛ, ф. 331.59.85.

Владимир Дмитриевич *Сушков* — сотрудник «Осколков», «Стрекозы» и других юмористических изданий, офицер. «Пишет стихи и прозу. Либерален и, что весьма важно, умен<...> Малый славный и писака небесполезный», — шутливо характеризовал его Чехов (Полн. собр. соч. Чехова, т. XIII. М., 1948, стр. 72).

А. И. ЭРТЕЛЬ — И. В. ФЕДОТОВУ

〈Начало января 1884 г.〉

...В январской книжке «Отечественных записок» должны появиться сказки Щедрина, которые вот уж с год циркулировали в списках. Замечательно хороши. Сегодня книжка журнала должна выйти из цензуры. Там же встретите прелестный рассказ Глеба Успенского «Волей-неволей» и новую комедию Островского «Без вины виноватые». Старик поизносился, и сюжет для комедии целиком взят из какой-то ничтожной итальянской мелодрамы...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 576, оп. 1, ед. хр. 15.

Александр Иванович *Эртель* (1855—1908) — известный писатель. Письмо адресовано отцу его жены, владельцу библиотеки.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ — С. Я. НАДСОНУ

〈С.-Петербург〉 27 января 1884 г.

...Видел новую драму Островского; она не произвела на меня глубокого впечатления, потому что мелодраматична; а между тем вся театральная зала плакала...¹

Автограф. ИРЛИ, ф. 402, оп. 4, ед. хр. 63.

¹ Премьера пьесы «Без вины виноватые» в Александринском театре состоялась 17 января 1884 г.

Н. Н. ЛЕБЕДЕВА — С. Я. НАДСОНУ

5 февраля 1884 г.

...Сейчас только получила ваше письмо¹. Что значит, что оно так долго шло? Помечено 6-м января, а сегодня 5 февраля. Многое имею вам сказать, боюсь половину перезабыть, а потому буду лучше отвечать по пунктам, имея ваше письмо перед глазами <...>

Спасибо за литературные новости, всегда буду рада получать их от вас; здесь же, в деревне, где журналы получают из ближайшей городской библиотеки только через месяц, это особенно приятно. Сказки Щедрина, о которых вы говорите, я читала еще когда они ходили по рукам литографированными, — но не знаю, те ли это самые: «Бедный волк», «Премудрый пескарь» и «Самоотверженный заяц». Комедию Островского² тоже знаю по рецензии; я не люблю всего того, что написано Островским и К^о³; да и вообще, талант Островского, мне кажется, односторонен; он исчерпал свою область и нового уже ничего дать не может, поэтому приятнее перечитывать его старые произведения. Как они хорошо идут у нас на сцене Малого театра! Хоть и жалуются на упадок его, а все же, кажется, у вас в Петербурге на этот счет дела обстоят хуже <...>

П. М. САДОВСКИЙ И РОЛИ
БЕРКУТОВА («ВОЛКИ И ОВЦЫ»)

Малый театр, 1934—1935 гг.

Фотография

Центральный театральный музей,
Москва



Вы совершенно ошибаетесь относительно моего отъезда в деревню. Сейчас объясню вам, почему я здесь. С тех пор, как я кончила учиться, я сама добываю себе средства к жизни; так как частные уроки — дело непрочное, сегодня они есть, а завтра нет, притом оплачиваются плохо, а я за шесть лет учительства нажила 150 рублей долгу, то и решилась в прошлом году взять место гувернантки, чтоб расплатиться с долгами. Попала в купеческую семью, в самое темное царство, где получала 40 рублей в месяц и «развивала» шестнадцатилетнюю девицу, но этот год гувернантства чуть не свел меня с ума. Лишение свободы, отношение ко мне хозяев, которые видели во мне человека ниже себя, только наемницу, всякие мелкие неприятности, а главное — полная тщетность моих усилий расшевелить мою ученицу и заставить ее видеть в жизни что-нибудь кроме платьев от Паке и ложки бельэтажа, — все это сделало то, что я едва выжила там <...> Я разделяю ваш взгляд на народное образование, но не думаю, чтобы учительство было единственным благим путем...

Автограф. ИРЛИ, ф. 402, оп. 4, ед. хр. 54.

Наталья Николаевна *Лебедева* — учительница, корреспондентка Надсона.

¹ Это письмо неизвестно.

² Вероятно, «Без вины виноватые».

³ Автор письма имеет в виду пьесы, написанные Островским в сотрудничестве с Н. Я. Соловьевым и П. М. Невежиным.

Н. Я. СОЛОВЬЕВ — М. П. САДОВСКОМУ

<С.-Петербург> 31 декабря <1884 г.>

...С Новым годом вас! Не прибавляю: с новым счастьем! ибо не зазвучало бы это иронией! Нет, а дай бог вам сил новых тянуть свою лямку!.. Я же нахожусь в тяжелом весьма настроении по многим обстоятельствам; между прочим, вчера я решительно выразил мое несогласие дать здесь «Случай выручил!» в бенефис Стрепетовой: во-первых, пьеса Островского оказалась не двух-, а трехактная и таки, говорят, довольно длинная¹, и, во-вторых, Стрепетова хотя в ней и умирает, но все-таки не находит эту смерть достаточно эффектной для бенефиса своего, а потому воскреснет через четверть часа антракта и снова появится с монологами из «Побежденного Рима» по рецепту Суворина. И после таких-то блюд, часов в одиннадцать ночи пришлось бы мне представить моего Матюшу² бедного; уж, конечно, это заклятие!.. Нет, благодарю.

Ошельмовали меня-таки порядочно, вообще последнее время особенно часто бывают у меня минуты, когда я проклинаю тот час, в который я взялся за перо!.. Боже мой! Сколько испытаний и всяких гадостей встречаешь на сем поприще, а нервы все более разбиваются, а дух не крепнет, а все вянет и вянет, и глубокая хандра все более занимает в тебе места! Из вашего театра никаких еще вестей не имею: когда и как составится бенефис Федотовой?..

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 314.

¹ Пьеса «Не от мира сего», представленная впервые в Александринском театре 9 января.

² Герой пьесы «Случай выручил».

Н. Я. СОЛОВЬЕВ — М. П. САДОВСКОМУ

<С.-Петербург. Около 25 января 1885 г.>

...Пьесы А. Н. Островского¹ я не смотрел, а слышал, что она и скучновата да и актеры не постарались здесь. На днях виделся я с Александром Николаевичем и Марией Васильевной, свидание было весьма короткое; зачем они, собственно, пожаловали сюда?² — Не знаю. Для меня ужасно тяжелы эти визиты в министерский дом³, да, мне кажется, и Александр Николаевич томится там и насилует себя; вообще, выходит что-то и смешное и грустное; особенно комична эта Мария Васильевна в каком-то золотистом парадном платье...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 317.

¹ Премьера пьесы «Не от мира сего».

² Островский приехал в Петербург для переговоров в связи с подававшимися им докладными записками о реформе театра.

³ Островский остановился у своего брата Михаила Николаевича, министра государственных имуществ.

И. М. РАНЖЕВ — М. П. САДОВСКОМУ

Тула. 19 февраля 1885 г.

Когда я был у вас, Михаил Провович, то я и предлагал вам выбрать что-либо из Островского, которого у нас очень любят, и вам пришла богатая мысль остановиться на знаменитой комедии «Свои люди — сочтемся». Она у нас шла четыре года тому назад и подряд два раза. Первый сбор был 800 рублей, а через четыре дня по уменьшенным ценам второй

сбор был 400 рублей. Если же вы приедете вдвоем, то смело можно рассчитывать на тышчонку. И чудесная вещь!<...>

«Ревизор» шел у нас в пятницу днем. Сбор был весьма плачевный — именно 279 рублей. Я утешался тем, что вспоминал, как вы играли «Грозу» в Большом театре при сборе в 80 рублей <...>

Если на этой неделе вы не приедете к нам, то в воскресенье я буду у вас, тогда и решим все окончательно...

Автограф. ГЦТМ, ф. 240, ед. хр. 246.

Иван Михайлович Ранжее — актер-любитель.

А. А. МАЙКОВ — Д. В. АВЕРКИЕВУ

15 июня 1885 г.

...Письмо от А. Н. Островского я получил¹, но так как раньше того были уже посланы вам деньги по расчетному листу, то я и полагал, что вы обойдетесь без ссуды. Но так как я только что теперь из вашего письма узнал причину, вызвавшую ваше обращение к Обществу, то с великою натяжкой посылаю вам 200 р. Летние месяцы — чрезвычайно скудны для нас, а требования со стороны авторов все это время до переезда на дачи были громадные. Посылаю что могу...

Автограф. ГПБ, ф. 46, ед. хр. 16.

¹ Это письмо Островского неизвестно. Ср. его письмо к Аверкиеву от 24 мая 1885 г. по поводу просьбы о выдаче из ОРДП аванса (XVI, 172—173).

В. В. ЧУЙКО — П. Д. БОБОРЫКИНУ

С.-Петербург. 13 ноября 1885 г.

...Я очень хорошо помню ваши чтения об Островском, и главную вашу мысль об эпическом складе таланта Островского я всегда разделял. Если б у меня было больше места и времени, то в заметке о «Василисе Мелентьевой»¹ я бы фактически показал этот эпический характер драмы, хотя она, без всяких сомнений, является самым сценическим его произведением. Сценарий, сделанный по Шекспиру Геденовым, — превосходен, но в разработке отдельных сцен эпический характер замечен. Мне очень хотелось сделать подробный анализ драмы с этой именно точки зрения и даже провести местами параллель исторических сцен у Островского и у Шекспира; подобная параллель, думаю, обнаружила бы лучше всего эпичность таланта Островского. С эстетической точки зрения такой этюд мог бы быть интересен...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 67, оп. 1, ед. хр. 72.

Владимир Викторович Чуйко (1839—1899) — литературный и художественный критик.

¹ См. обзорную статью В. В. Чуйко под рубрикой «Театр» в журнале «Новь», 1885, т. VII, № 5, 1 ноября, стр. 165—166.

Р. А. ПОТЕХИНА — РОДИТЕЛЯМ

(Москва. 24 (?) декабря 1885 г.)

...«Темный бор»¹ у меня сошел, слава богу, хорошо; нигде ничего не напутала и играла, кажется, недурно.

Во время спектакля мне говорит Васильева: «Знаете, Раиса Алексеевна, завтра доктора устраивают обед Островскому² и приглашают всех артистов принять участие в этом обеде; почти все едут, поедете вы или

нет?» Я сказала, что с удовольствием бы поехала, но у меня нет платья, и потом устроители обеда (Музиль и Садовские) мне ничего не говорили, и я считаю неловким самой навязываться. На это она мне говорит, что все едут и, по ее мнению, и мне надо ехать. Я иду к Медведевой и спрашиваю ее совета; та мне говорит, что ехать следует; я же говорю, что я слышала, что артисты хотят устраивать свой самостоятельный обед и что я лучше туда поеду и что мне никто ничего не говорит об обеде. Тогда мы решили так, что если мне никто ничего не будет говорить, я не поеду, т. к. у меня нет светского туалета; ну а если начнут мне все говорить, то тогда дело другое, тогда надо будет ехать, т. к. нельзя будет сказать, что не знала об обеде. Так мы и порешили. Ехать мне ужасно не хотелось, т. к. у меня не было платья порядочного, а ехать плохо одетой я ужасно не люблю, — это первая причина; вторая — надо было брать билет, он стоит пять рублей (это на обед), затем перчатки, цветы и т. д. Прихожу я на репетицию «Баловня»³, и на мою беду начинается разговор об этом обеде; мне говорят, что если я хочу ехать, то должна сейчас же подписаться; что едут все наши; ну, делать нечего, подписалась и я, грешная; мне казалось, что неловко выделяться из толпы да еще со своей фамилией⁴ — сейчас скажут какую-нибудь мерзость. Когда я подписалась, на репетицию приходит Черневский — раньше его не было; я ему и говорю, что подписалась на обед и что хотела с ним посоветоваться, — ехать мне или нет. Черневский мне сказал, что, по его мнению, ехать мне было необходимо, и мне больше, чем кому-нибудь, не следует выделяться от всех. К пяти часам мы поехали с Райской⁵ в клуб докторов. Из актрис на обеде были Медведева, Федотова, Никулина, Васильева, Щепкина, Садовская, Райская, Милорадович, я и Ермолова. Мужчины были все, кроме Левского, почему он не был — я не знаю. Ермолова на самом обеде не была, а приехала после обеда. Я ездила на обед в сво-

Конец письма не сохранился.

Автограф. ГПБ, ф. 613, ед. хр. 143.

Райса Алексевна *Потехина* — дочь А. А. Потехина, который, использовав свое служебное положение, пристроил ее в Малый театр. См. стр. 368 наст. кн.

¹ Пьеса Вл. И. Немировича-Данченко. Спектакль состоялся 22 декабря (см. «Московские ведомости» от этого числа, № 353), на основании чего и датируется публикуемое письмо.

² Банкет московских врачей (23 декабря) в связи с назначением Островского начальником репертуарной части московских императорских театров.

Помощник режиссера Малого театра, А. М. Кондратьев зафиксировал в своем дневнике, озаглавленном «Театральные записки (факты)» подробности этого чествования, а также выступление самого Островского: «На обеде в честь А. Н. Островского, в Докторском клубе, при поступлении А. Н. на службу в императорский театр, присутствовали доктора и актеры и очень незначительное число посторонних лиц. За столом первым говорил доктор Остроумов, за ним С. В. Добров, после его встал А. Н. и сказал приблизительно следующее: «Позвольте мне сказать вам несколько слов, которые будут даже повторением моих двух предшественников, но я, так сказать, облеку их в художественную форму. Древние греки жили весело, и не менее весело жили их боги; в числе этих богов был бог искусства Аполлон, у него был сын Эскулап, или Эсклепий, занимался он медициной, но на небе ему дела было немного, так как боги не страдали ни ревматизмом, ни расстройством желудка, а богини не страдали женскими болезнями (хотя вели себя подобно смертным). Не имея дела на небе, Эсклепий сошел для практики на землю, от него-то и пошли доктора; затем он заскучал по небу, вспомня свое родство с Аполлоном... Господа, предлагаю выпить за врачей — детей Эскулапа, внуков Аполлона» (Автограф. ГЦТМ, ф. 117, ед. хр. 569). Ср. А. И. Ревякина. Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского. М., 1962, стр. 463).

³ «Баловень» — пьеса В. А. Крылова (премьера состоялась 30 декабря).

⁴ Намек на то, что Р. А. Потехина — дочь человека, занимающего видное служебное положение в театральном мире.

⁵ Ираида Павловна *Уманец-Райская* (?—1914) — артистка Малого театра.

В. П. МУЗИЛЬ — Н. И. МУЗИЛЮ

〈Москва.〉 15 февраля 1886 г.

...Нового у меня решительно нет ничего, кроме той напрасной тревоги относительно пожара в Малом театре¹. Все оказалось пустяками, и слава богу! Вчера у меня была Доброва еще раз и сказала, что ей добрый Александр Николаевич Островский два раза сказал, что ее игра ему понравилась, и в третий раз еще прибавил: «Я говорю вам чистосердечно, что вы прекрасно играли». Вот что значит с тобой-то читать. Ах ты, мой добряк!..

Автограф. ГЦТМ, ф. 180, ед. хр. 149.

Варвара Петровна *Музиль* (Бороздина) — артистка Малого театра, жена друга Островского, артиста Малого театра Николая Игнатьевича Музиля.

¹ В предыдущем письме, датированном 14 апреля, В. П. Музиль сообщала мужу: «Теперь только десять часов утра, а у меня уже сидит Доброва, и мы обе с ней строчим тебе. Она сказала мне крупную новость. Малый театр горел, ей сказал пожарный. Когда она ко мне ехала, то встретила все части пожарных. Я думаю, это повлияет на бедного Александра Николаевича, он так опасался пожара» (ед. хр. 149-а).

Р. А. ПОТЕХИНА — А. А. ПОТЕХИНУ

〈Москва. Около 20 февраля 1886 г.〉

... Все эти дни я не переставала беспокоиться, не получая от вас писем; во-первых, мне все казалось, что кто-нибудь из вас не совсем здоров; а во-вторых, я не получала от тебя, папа, пока совета, как поступить мне при свидании с Островским. Ты написал мне, чтобы я предварительно переговорила с Черневским, я это и сделала. Черневский мне сказал, что он может устроить мне отпуск сам, но советует мне обратиться прямо к Островскому, и на другой же день, так как это будет последний приемный день у него. Я спросила, следует ли мне поговорить о контракте, на это С. А. мне ответил, что в посту о контрактах разговору никакого не будет и что, по его мнению, говорить теперь не надо, а что когда приеду, тогда и подам заявление; если же придется раньше подать, то тогда он мне напишет об этом (...)

На другой день я отправилась в школу для свидания с Островским. Прихожу туда в два часа (Черневский сказал, что прием до трех), и мне говорят, что Александр Николаевич уехал в Большой театр; тут я встретила его секретаря (Кропачева) и Колосова²; оба они посоветовали мне отправиться в Большой театр, так как иначе я могу остаться без отпуска до второй недели, потому что контора закроется завтра. Я последовала их совету и отправилась к Островскому. На мое счастье, он был не занят и принял меня в директорской ложе. Я попросила у него извинения за беспокойство и сказала, что решила его беспокоить в театре потому, что мне заявили, что сегодня он принимает в последний раз. Островский мне сказал, что отпуск даст мне с удовольствием, потому что репетиций не будет никаких; нового весной ничего не пойдет, а если будут пробы дебютантов, то пойдут какие-нибудь маленькие сцены, и он не хочет беспокоить своих артистов и дает им полную свободу на весь пост; затем велел мне подать официальное прошение об отпуске на 28 дней, а затем я могу прогостить дольше и попросить только Черневского, чтобы он написал мне, когда я понадобится в случае репетиций старых пьес. Я спросила Островского, должна ли теперь подать заявление о контракте или могу подать по приезде. «Да успеете подать по приезду, теперь ведь еще рано!» Вот и весь наш разговор.

Я поблагодарила его за отпуск и пошла снова к Кропачеву; тот написал мне заявление, даст его подписать Островскому, и завтра я получу

отпуск и думаю уехать в Питер числа 23-го с пассажирским вечером, а может, и 24-го утром, как успею. Мне даже хотелось бы удрать не в воскресенье, а в субботу, т. к. я не играю в воскресенье. Придя домой от Островского, я получила ваше письмо и ужасно разогорчилась, что оно пришло так поздно; ну, что бы пораньше вам его прислать, — я так просила поскорей мне дать совет; так я с Островским ничего и не поговорила, не знала, что мне с ним говорить. Впрочем, утешаю себя тем, что бог делает все к лучшему. Весь тон Островского со мной был в высшей степени сухой и холодный; он был вежлив, но держал себя как начальник с подчиненной. Я еще объясняю его холодность тем, что, может быть, он был не в духе, т. к. в это утро шел его «Воевода» и сбор в первый раз был далеко не полон, что раздавали даже контрамарки³...

Автограф. ГПБ, ф. 613, ед. хр. 143.

¹ Это письмо А. А. Потехина неизвестно.

² К. П. Колосов — артист Малого театра.

³ Вероятно, спектакль 18 февраля («Московские ведомости», № 48, 17 февраля).

В. П. МУЗИЛЬ — Н. И. МУЗИЛЮ

Москва. 20 февраля 1886 г.

...Сейчас вернулась от А. Н. Островского, куда попала перед его отъездом в Питер; он, конечно, со мной был очень любезен и сказал, что завтра тебя увидит. Я ему поручила тебя хорошенько расцеловать и сказать, что у нас все пока обстоит благополучно. Мария Васильевна¹ тоже со мной очень была любезна, и я потому пишу тебе, что узнала подробности, почему А. Н. едет в Питер. М. В. мне сказала, что он едет повидаться с Гурко и переговорить насчет Варшавы². Уж Федотову спрашивали, поедет ли она, и, между прочим, мне Мария Васильевна сказала, что заплатят хорошо Кондратьеву, который поедет прежде всех и все будет устраивать³. Кондратьев у них *свой* человек и пришел при мне; потом мы собрались уезжать, приехал Майков, который нам с Кондратьевым не поклонился, и мы ему тоже, конечно. Но Кондратьева опять заставили раздеться и позвали в кабинет. Про Алешу ни слова не говори Александру Николаевичу. Вообще напрасно ты себя очень от Островского отстраняешь. Ветер может перемениться. Я Кондратьеву всегда не особенно доверяла. Извини, что суюсь с советами. Пишу под свежим впечатлением. Прошу мне написать, пожалуйста, как с тобой будет дорогой Александр Николаевич. Мария Васильевна, между прочим, мне сказала, что больше всех заплатят Кондратьеву. И так как эта поездка есть желание министра, то чтоб о деньгах и речи не было. Для видимых артистов будет *слава*, а для работника Кондратьева — *деньги*. Это *ее* слова...

Автограф. ГЦТМ, ф. 180, ед. хр. 147.

¹ Жена Островского.

² Варшавский генерал-губернатор Иосиф Владимирович Гурко (1828—1901), который еще с 1884 г. просил содействия Островского для организации гастролей Малого театра в Варшаве. Гастроли начались 9 мая. Варшавским зрителям был показан ряд пьес Островского.

³ 31 марта А. М. Кондратьев писал А. И. Сумбатову-Южину: «... Александр Николаевич Островский поручил мне передать тебе его приглашение пожаловать завтра во втором часу дня в здание театральной школы для переговоров о поездке в г. Варшаву...» (ЦГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 1226).

С. В. ЯБЛОЧКИНА — Н. И. МУЗИЛЮ

⟨Москва.⟩ 19 марта 1886 г.

...Как я сожалею, добрый Николай Игнатьевич, что вы не в Москве; вместо всех радостных надежд на поступление Сани в наш Малый театр осталось одно огорчение.

После двух испытаний, второго действия «Грозы» и первого акта «Горя от ума», за которые все ее очень хвалили, я отправилась к А. Н. Островскому узнать о впечатлении и вообще узнать, чего ожидать. Александр Николаевич сказал: «Она мила, стройна, талантлива, и такие всегда нужны на императорскую сцену, но драматических актрис нам не нужно (*как будто, кроме драмы, она ничего делать не может*; выбрали «Грозу», чтоб показать, что у нее есть и драматический элемент, да и что можно выбрать, когда нет актеров?) да и денег у нас на прием нет! Если хотите, пусть с осени она ходит в класс учиться читать». Поблагодарив Александра Николаевича, я спросила: «Стало быть, она будущий год будет принята?» — «*Не знаю*».

«У страха глаза велики», — говорит пословица, но мне показалось, что после всех похвал, которые я слышала, она ему не нравится; иначе как понять? Хвалили — и опять в школу без всякого содержания и бог знает на сколько времени; играть они в школе не будут; положим, учиться никогда не поздно, но ведь ей 20-й год; служа в театре, ей ничто не мешает посещать классы, но тогда то преимущество, что она служит и в это время ей попадет хоть несколько ролей и подвинет ее как актрису, но учиться и не иметь надежды на поступление, пожалуй, поздно.

Бога ради, умоляю вас, помогите; вы с самого начала выразили ей много симпатии и участия — доведите же это дело до конца. Бедная Саня все время плачет; узнайте у Александра Николаевича о Сани, на что можно рассчитывать и чего именно желает Александр Николаевич; я боюсь разговаривать, мало знакома с ним — пожалуй, могу навлечь его неудовольствие, а я сердечно желаю быть ему всегда послушною.

Слышала, что по приезде из Петербурга он уезжает в Крым, и опять это затянется, а время все идет и идет. Поймите, мой хороший, как это тяжело; будьте же так добры, возьмите на себя труд — узнайте хорошенько: может быть, А. Н. Островский меня, как зная, не хотел убить прямым образом, ведь он очень сердечен, а вам он откровенно скажет.

Пожалуйста, замолвите доброе слово; ему, кажется, наговорили, что она много играла в Тифлисе, — скажите, что с испытаниями всего на все была восемь раз на сцене. Можно ли же ее судить и разбирать, как актрису? Вся моя надежда на вас, будьте уверены, что я никогда не забуду, как много обязана вам...¹

Автограф. ГЦТМ, ф. 180, ед. хр. 269.

¹ Серафима Васильевна Яблочкина (1842—1898) — артистка Малого театра, жена режиссера А. А. Яблочкина и мать выдающейся актрисы А. А. Яблочкиной, о которой и идет речь в этом письме. Островский относился к Яблочкиным с нескрываемой антипатией. «Вот тебе новость: к нам втираются Яблочкины, — сообщал он Ф. А. Бурдину 25 февраля 1877 г. — Не успела К. Н. Васильева захворать, как уж роли ее предоставлены Яблочкиной 1-й. Вот находка, особенно для московского театра!» (XV, 79).

Н. М. Федюкин писал Н. И. Музилю 19 марта 1886 г.: «Сегодня была у меня С. В. Яблочкина, дочь которой недавно держала экзамен на сцене Малого театра. Она была вчера у Александра Николаевича Островского и, вероятно, попала не в добрый час. Он ей сказал, что дочери ее надо поучиться и что окладов у них теперь нет. Вот что ее так ужасно огорчило. Она вам напишет все подробности, а меня просила написать вам, чтобы в случае разговора с Александром Николаевичем вы замолвили бы словечко за дочку. Слезы у нее текли просто ручьем, она согласна поместить

ее без жалованья, лишь бы приняли, и потому, если можно что сделать, то напишите, чем премного меня обяжете» (ГЦТМ, ф. 180, ед. хр. 233).

А. А. Яблочниковой, вероятно, не были известны все подробности переговоров ее матери с Островским. В своих воспоминаниях она писала: «В этом сезоне во главе Малого театра стал А. Н. Островский, организовавший в театре весной 1886 года пробу молодых сил. На пробе я сыграла Катерину (2-й акт «Грозы») и Софью (1-й акт «Горя от ума»). Катерина, кажется, мне не совсем удалась по молодости лет. Александр Николаевич сказал моей матери: «Какая же это Катерина — с осиной талией!» Софья Островскому, судя по всему, понравилась. Он решил меня взять в свой класс, чтобы через год выпустить в Малый театр и в течение года, если найдется подходящая роль, дать мне ее сыграть. Летом великий драматург скончался. Так мне и не удалось стать его ученицей <...> Я приняла приглашение Корша <...> Мама противилась моему поступлению в театр Корша» (А. Я б л о ч к и н а. 75 лет в театре. М., 1966, стр. 70).

В. П. МУЗИЛЬ — Н. И. МУЗИЛЮ

Телеграмма в Варшаву

⟨Москва. 3 июня 1886 г.⟩

Островский умер второго хоронят Москве¹. Телеграфируй о приезде. Мы в городе ждем.

Подлинник. ГЦТМ, ф. 180, ед. хр. 149а.

¹ Островский, умерший накануне в Щелькове, был похоронен не в Москве, а близ Щелькова. По получении известия о смерти великого драматурга труппа Малого театра прервала свои варшавские гастроли.

Н. С. ТИХОНРАВОВ — Ф. Д. НЕФЕДОВУ

⟨Москва. Около 10 июня 1886 г.⟩

...К глубокой скорби нашей, А. Н. Островский скончался неожиданно для своих многочисленных почитателей. На последнее еще заседание Общества (экстренное) он присылал сына спросить, куда должен он доставить переведенные им для нашего Сборника сцены из «Антония и Клеопатры». Прошло две недели — и его нет! Ужасно! Собираемся в девятый день служить общественную панихиду по Островском в Университете...

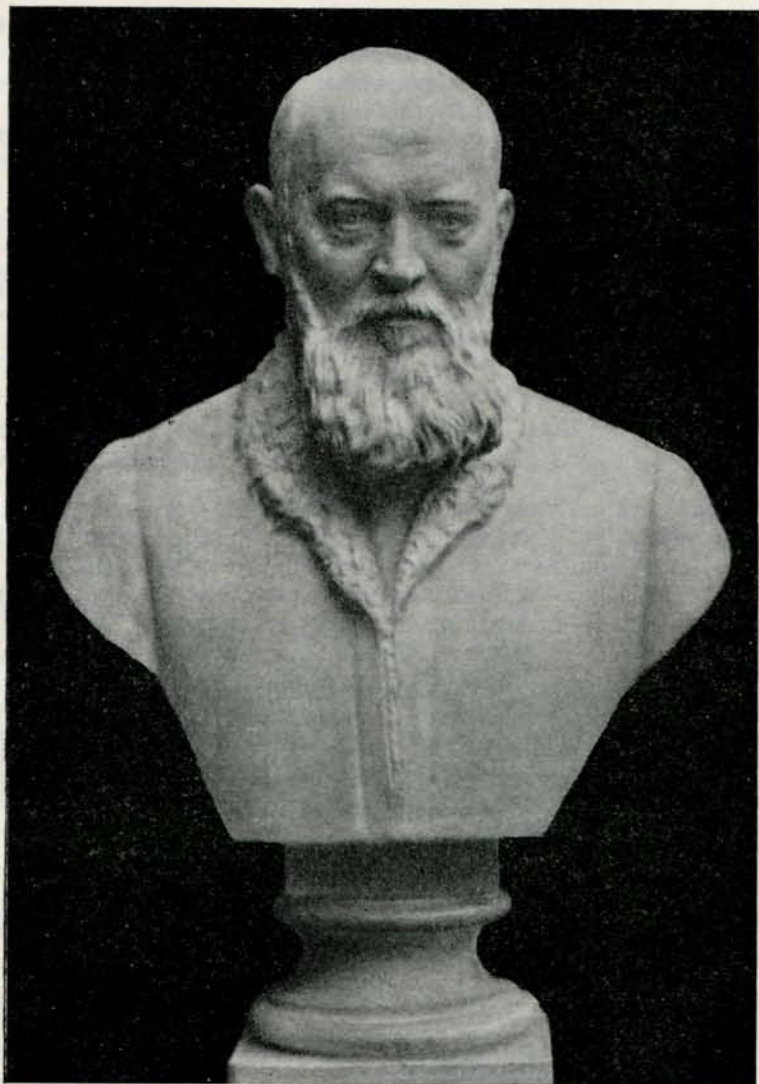
Автограф. ЦГАЛИ, ф. 342, оп. 1, ед. хр. 118.

Николай Саввич Тихонравов (1832—1893) — историк литературы, профессор Московского университета, член репертуарного совета московских императорских театров. Председатель Общества любителей Российской словесности. Письмо адресовано секретарю Общества — Филиппу Диомидовичу Нефедову.

Ф. П. ГОРЕВ — Н. И. МУЗИЛЮ

⟨Оренбург⟩ 16 июня ⟨1886 г.⟩

... Как громом, поразила меня смерть Александра Николаевича. Можно ли месяц назад было допустить, что он так скоро оставит этот мир? В лице его я потерял очень и очень много. Он не придавал значения забеганьям, не был несправедливым, и при нем я смело заглядывал вперед. Кого-то господь пошлет теперь нам? Конечно, заменить А.Н. нельзя. По получении извещения я с товарищами отслужил панихиду, в девятый день вновь была панихида торжественная, нанял певчих и разослал объявления <...> Жаль душевно его семьи. Как им, бедным, будет трудно без него, ведь не вышел еще ни один на дорогу. Весьма грустно мне, добрейший Николай Игнатьевич, продолжать письмо на ту тему, которую вы сейчас прочтете!



ОСТРОВСКИЙ

Бюст работы Л. А. Вернштама, 1882 г. Гипс
Институт русской литературы, Ленинград

Всегда в каждом обществе есть выдающиеся личности, но не всегда они терпимы. В момент получения телеграммы о смерти Александра Николаевича я был у Вахтера (?), и была почти вся труппа. Там же присутствовал мой приятель городской голова¹ и, представьте себе, вдруг на память не оставшего еще А. Н. посыпались всевозможные оскорбления и ругательства. Естественно, ВСЕ возмутились.

Скажу то же и короче: бранили при Лазареве, и мне, и всех, Александра Николаевича. Кто же? Волгина², присовокупляя при этом, что она вновь будет царствовать в московском театре, т. е. служить сколько хочет и как хочет. Я позволил (себе) ей сказать на это очень мало, именно: *«Вероятно в целой России в эту минуту вы одна радуетесь смерти Островского и потому сами не знаете, насколько вы гадки и жалки, — уж не*

говоря про то, что из ваших уст оскорбительно слышать имя его». Кроме этого, я позволил себе дать слово именем всех товарищей — не допускать в среду свою такую госпожу, профессия которой — совсем не театр<...> Нельзя же в самом деле Малый театр приравнивать к какому-либо другому заведению. Убеденный в том, что вы первый вступитесь за имя Александра Николаевича и Малый театр, я и пишу вам...

Автограф. ГЦТМ, ф. 180, ед. хр. 57.

¹ Николай Александрович Алексеев.

² Софья Петровна *Волгина* (Миллер) — провинциальная актриса, которая в сезон 1885—1886 г. по чьей-то влиятельной протекции играла в Малом театре. См. ее уничижающую характеристику в письме Островского к брату Михаилу Николаевичу от конца марта — начала апреля 1885 г. (XVI, 154—155).

И. А. БУЛДИН — С. А. ЮРЬЕВУ

Алушта. 16 июня 1886 г.

...Вероятно, давно уже знаете о смерти А. Н. Островского. Меня, признаюсь, поразила его смерть. Только еще перед отъездом из Москвы я был у него, сидел около часу, и он был бодрый и веселый, да и годы его ведь совсем невелики. — Жаль нашего театра, что не установится прочно его руководство, — постоянные смены руководящих — самое неблагоприятное для дела. — Крайне интересно, как установится жизнь в театре теперь. Было бы хорошо, если б А. А. Майков укрепился, и уже он пригласит лицо на место А. Н., тогда, надеюсь, вы были бы призваны к ближайшему, официальному участию в ведении театра драматического или школы. — Дай-то бог, чтобы устроилось в этом направлении...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 147.

Иван Алексеевич *Булдин* (1853—?) — преподаватель декламации и сценического искусства в Московской консерватории, муж артистки Малого театра С. А. Булдиной.

С. А. ЧЕРНЕВСКИЙ — Н. И. МУЗИЛЮ

⟨Москва. 20 июня 1886 г.⟩

...Наступает двадцатый день кончины всеми глубоко уважаемого Александра Николаевича. От нас еще не было доставлено на его могилу венка, что заботит всю труппу. Не будете ли вы любезны принять на себя хлопоты по этому делу? Мое мнение — заказать венок металлический или фарфоровый. Мы оттого не распорядились этим раньше, что были слухи о привозе тела в Москву, где мы и рассчитывали сделать ему встречу. Желание о венке присовокупили также Н. М. Медведева, М. Н. Ермолова, О. А. Правдин, М. А. Решимов и А. П. Щепкина. Это лица, с которыми я говорил о венке лично. Если это сделать вам почему-нибудь неудобно, поручите, пожалуйста, господину Кондратьеву...

Автограф. ГЦТМ, ф. 180, ед. хр. 253.

Н. М. ФЕДЮКИН — Н. И. МУЗИЛЮ

⟨Москва. Лето 1886 г.⟩

...Не могу удержаться, чтобы не написать вам несколько слов, ибо я в настоящую минуту нахожусь в некотором волнении. Дело вот в чем. В июне месяце, как вам известно, я обратился к А. А. Майкову с частным

письмом, прося его открыть подписку на постановку бюста покойного А. Н. Островского в фойе Малого театра и предлагая от себя 100 рублей. Сегодня я был формально приглашен в театральную контору повесткой, и, когда туда явился, то г. Гершельман¹ показал мне мое письмо, на котором написана резолюция Майкова: «Объявить г. Федюкину, что открытие подписки на постановку бюста А. Н. Островскому *признано* неудобным». Я хотя и удивился, почему мне предъявили ответ в такой форме, но делать было нечего, написал на нем, что я читал его такого-то года и числа, и ушел. Не напишете ли Марье Васильевне Островской, чтобы она об этом похлопотала? Я бы ей и сам написал, но не знаю, где она теперь находится. По правде сказать, меня подобный ответ г. Майкова немного покорибил. Мне кажется, что он из вежливости должен был ответить мне также частным письмом...

Автограф. ГЦТМ, ф. 180, ед. хр. 81589.

¹ Константин Романович Гершельман — секретарь конторы московских императорских театров.

А. И. УРУСОВ — Н. А. НИКУЛИНОЙ

С.-Петербург. 3 сентября 1886 г.

...Да, смерть Александра Николаевича поразила всех нас чувством невознаградимой потери. Но это *мы* потеряли, а не он. Он весь высказался, весь перешел в художественные создания, из которых многие бессмертны. Он был в этом отношении — да и в других тоже — счастлив. И умер без мучительной агонии. И это счастье. Я всегда был поклонником его таланта, в котором видел тип москвича в литературе. Никто не владел московскою речью, как он. Никто не изучил, как он, москвича. Посылаю вам статью мою о нем (1881), которая нравилась Пыпину, хотя она жидковата: но это эскиз только...

Автограф. ГЦТМ, ф. 91, ед. хр. 443.